

Р.І.С. — КОРОЛЕВСКАЯ ПОЛИЦИЯ ИРЛАНДИИ

**СЭЙ АЛЕК
КОНСТЕБЛЬ
С ТРЕТЬЕГО УЧАСТКА**

Annotation

Констебль Айвен Вильк – парень ещё молодой, но службу свою знает и несёт справно. А то, что ума не академического, да и образован слабо, так то не беда – не всем же быть профессорами. Не за ум его любит и ценит начальство, а за кристальную честность и хорошо поставленный хук левой. Берегитесь, жулики и бандиты, – на патрулирование ночных улиц родного города выходит констебль с Третьего участка!

Сэй Алек

Констебль с Третьего участка

© Сэй Алек, 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

*Всем сотрудникам патрульно-постовых служб нашей планеты
посвящается*

Констебль с Третьего участка

Роман

В которой констебль Вильк исполняет свои прямые обязанности; обитель Святой Урсулы получает японские трактаты, молодой художник – предупреждение и натурщика, а кафетерий мистера Сабурами остаётся в этот день без ещё одного посетителя, о чём его содержатель, впрочем, так никогда и не узнает

Плюх-плюх-плюх... Старичок паровик, шлёпая колёсами по воде, неторопливо плетётся вдоль берега, тащит, старый трудяга, баржу из устья Лиффи. Близко что-то идёт, непорядок, дым из трубы на гуляющих сносит – не иначе на бункеровку броненосца уголь тащит, а то не посмел бы вдоль самой набережной путь спрямить.

Сколько же лет этому старому кораблику? Я ведь «Трудяжку» ещё ребятёнком сущим видывал, он и тогда грузы от станции до складов и кораблей в гавани тягал да клиперы неповоротливые с рейда в бухту затаскивал. Тогда-то паровые машины внове были, только-только стали их на фабриках да в шахтах применять и как движитель кораблей и локомотивов использовать. Сам я ещё малой был совсем, а батя сказывал, шуму-то было, когда мистер Парр первую свою опытную чугунку от шахты компании «Глумм и Флюс» до ихней пристани протянул... Чуть не весь город, баял, на этакое дело подивиться ездил. Это потом уже котлы как пирожки печь стали, узловую станцию на северном берегу Лиффи построили, а аккурат к моему восьмилетию... Да, восемь мне исполнилось, когда «Трудяжка», первый паровой буксир в Дубровлине, по воде пошёл. Я только подарки развернул, как соседские мальчишки прибежали меня звать, на этакую невидаль глянуть. По такому случаю мы, мастеровые, даже с портовыми не подрались – стояли на берегу рядом, раскрыв рты от удивления, и на кораблик пялились. Как же, сам, без парусов и вёсел по реке плывёт.

Мне в тот день особо повезло. Пожилой респектабельный джентльмен, так же как и все пришедший глянуть на первый рейс «Трудяжки», так ему изумился, что свою газету в рассеянии на парапете набережной оставил, а я её углядел первым, сцапал да спрятал под рубаху, чтобы мальчишки постарше не отобрали.

Газеты... Это сейчас они повседневная и обыденная штука, а тогда их, печатных, и было-то всего три: «Ведомости Дубровлина», «Городской телеграф» да «Газетт». Тоже новинка – типографическая газета. Их тогда много было, новшеств всяких-разных.

Печатались газеты на хорошей бумаге, такой, на какой нынче эти новомодные журналы выходят, гравюрами обильно снабжались, изукрашивались богато, с тиснением. Дороги были, не всякий себе мог позволить. Статусная вещь, их тогда в клубах читать да обсуждать принято было. Каждый выпуск – сам по себе сенсация.

Рукописные газетёнки вмиг поразорились, не выдержали конкуренции. Да и то сказать, о чём в них писали? Так, сплетни местечковые, не квартального как бы и масштаба, не то что в печатных изданиях: там и о политике было, и о событиях всяких грандиозных, и светская жизнь пополам с придворной, и что какой министр сказал, да как на это его величество ответить изволили...

Представительная вещь тогда была печатная газета, дорогая, а потому в наших кварталах дюже редкая. Какой работяга решится целую крону от семьи оторвать, не на еду её потратить

себе и жене с детьми, а на бумагу? Мастера с фабрик в складчину покупали порой, да, а рабочему его кусок хлеба и так слишком тяжело даётся, чтобы на баловство такое деньги тратить.

Так что заныкал я тогда газету да со всех ног бегом домой, к деду, даже, когда «Трудяжка» за речным изгибом скроется, дожидаться не стал.

– Деда, деда! – Сердечко-то выскакивает от быстрого бега, грудь ходуном ходит, как у загнанного коня, воздухом захлёбываюсь, слова глотаю. – Смотри, деда, газета!

Старик хмурится, кустистые брови его грозно сходятся над переносицей.

– Украл, шалопай? – Воровство дедушка ни в каком виде не приемлет, суровая деревенская закалка. – Я вот не посмотрю, что ты, Айвен, сегодня новорождённый, ухи-то пооткручу.

– Нет, нет, деда! – спешу его заверить я. У старого Ниро слова с делом никогда не расходятся. – Джентльмен на речной паровик так засмотрелся, что позабыл. А я только подобрал, когда он ушёл. Совсем ушёл, далеко, правда-правда!

Морщины на дедушкином лице разглаживаются, гневное выражение уступает место удовлетворению.

– Молодец, внук, – кивает он. – Подобрать не грех. Дай-ка гляну на твою добычу.

Я передаю газету старику. Он внимательно глядит на неё, проверяет, не порванная ли, не грязная, нюхает даже и удовлетворённо цокает языком:

– Свежая ещё, типографской краской пахнет. Глянь-ка, внучек, от какого числа? Я-то старый, не видят уже буковок глаза.

Читать дед не умеет, но тщательно это скрывает, отговаривается дряхлостью. Он сам деревенский, грамоте не обученный, только подпись свою и заучил писать правильно, но смысла он в сложенных для этой надписи буквах видит не больше, чем в хитром заморском иероглифе.

– Вчерашняя, дедушка, – отвечаю я, глянув на дату.

Я в школу хожу, учусь грамоте и счёту. Отец бурчит, что баловство это всё, перевод денег лишний, на что дед грозит ему сухим своим старческим кулаком да обзывает батюшку охламоном, которого он, Ниро, в детстве порол мало за лень, говорит, что ежели б папка выучился грамоте получше, а не свои имя с фамилией только коряво складывать умел, мог бы в мастера выйти, а то и повыше подняться, аж в приказчики, и что он, деда мой, мне голову задурить не даст, что в люди хоть один из нашей семьи выбиться сможет...

Отец хмыкает, но не спорит. Не верит, значит. Буркнет разве, что волчонок приказчиком не вырастет. Это он про фамилию про нашу. Вильк.

В детстве-то я – и отец про то знал – заливал окрестным пацанам, что это по-горски «волк», оттуда-де и фамилия, от предков с Высокоземелья, да и сейчас, чего греха таить, бывает, так отвечаю, если кто интерес проявит. А так-то это от названия деревни, из которой дед родом: Вилька. В таком она месте для проезда неудобном стоит, что тракт там постоянно виляет, словно пьяный. Прозывались тамошние селяне вильковчанами, потом за века сократилось это до вильчан, или попросту вильков. Оттуда и фамилия взялась.

– Хорошо, – кивает дедушка. – Мой непутёвый сын завтра мастерам её предложит, всё дому прибыток. А нынче ты, внук, как повечеряем, так и считаешь нам её вслух, на сон-то.

Расставаться с изукрашенной газетой мне, мальчишке, жалко, но дедушка прав. Нам в доме ни к чему такая роскошь, да и дешёветь газета будет с каждым днём всё больше. Лучше за то, что отцу выручить удастся, мама на похлёбку прикупит чего, разок хоть поедим

досыта.

Но до завтрашнего дня газета моя, я читаю и перечитываю её, аккуратно, сторожась оную испачкать, рассматриваю изображения и украшения вдоль полей, а вечером, после ужина, гордый за себя и своё умение, читаю новости из неё отцу и деду. Мать тоже прислушивается, не переставая считать петли в своём вязании. Осень скоро, мне нужен тёплый шарф.

Ху-ту-у-у-у-у! Вот же задумался, развспоминался до чего, аж вздрогнул от гудка «Трудяжки». Непорядок. Одёргиваю китель, отворачиваюсь от реки и продолжаю двигаться по маршруту.

– Здравствуйте, констебль.

– Добрый день, мистер Крагг, миссис Крагг – моё почтение, – прикладываю два пальца к каске.

Сэр Долий Крагг, эсквайр, приподнимает шляпу, его супруга кивает. Не гнушаются поприветствовать простого полисмена, не считают зазорным такого знакомства. Хорошие люди, не то что иные-всякие, кто если слово и вымолвит, то только через губу, высокомерно.

Прошлый год их старшенький на соревнованиях по гребле умудрился лодку перевернуть, а я тогда его из реки вытащил. Ну и остальных четверых охломонов из его колледжа, что на вёслах сидели, заодно. Заболел, конечно, октябрьская-то речка – это вам не парное молоко, так сэр Долий мне в благодарность доктора нанял, а его миссис каждый день меня навещала, пока я на поправку не пошёл, бульон жирный из курицы привозила и настоящий пасечный мёд в сотах. Мистер Крагг потом ещё целый фунт подарил, «за мужество», сказал. И от суперинтендента нашего участка благодарность потом была, пять шиллингов к месячному жалованью премии выписали. И из колледжа в наш участок благодарственное письмо пришло. Про меня даже в газетах тогда напечатали.

– Как поживает молодой мистер Крагг?

– Благодарю, констебль, досрочно и с отличием закончил колледж, готовится поступать в университет.

– Что ж, передавайте ему мои поздравления и наилучшие пожелания, сэр.

– Непременно, мистер Вильк.

Раскланиваемся и идём дальше, каждый своим путём: супруги Крагг совершать свой променад, а я – патрулировать портовую набережную. Чтобы никто безобразий не учинял и не нарушал благочиния, значит.

Меня наш сержант любит на такие вот места в дневные смены ставить, где господа с мамзельками прогуливаются в охотку: на Коронную набережную или на Адмирал-плёс, в Ниппонский парк ещё или на прешпекты всяко-разные. Говорит, я олицетворяю там чего-то, к власти и правопорядку уважение внушаю.

Ну а что ж? Парень я ладный, справный – с четырнадцати лет в молотобойцах, – и ростом Бог не обделил. А кто видом не внушается, так я ж могу и с левой приласкать. С правой не могу – зашибить опасаясь.

Я, собственно, из-за своего удара с левой в констебли-то и попал. Пошёл на рынок прикупить из еды кой-чего да заодно знакомому лавочнику кухонные ножи своей работы, из брака, да железных огрызков, которые на свалке подбирал, наделанные, сдать на продажу и угодил в историю. Только я к рыбным рядам надумал заворачивать, а тут у тётки Лизаветы, соседки моей, через два дома проживающей, с прилавка какой-то залётный отрез сукна домотканого дёрнул, шаль вязаную у средних лет джентльмена, что её приобрести

намеревался, из рук хватать, с кошельком вместе, да дёру. Мистер, что к покупке прицелялся, за ним, да шустро так, по всему видать, что догонит, – руку в карман суёт зачем-то. Не иначе как за ножиком полез, – это я тогда так решил. Вот же, подумалось, не хватало соседке покойника, за которого потом полиция из неё всю душу вытрясет.

Так-то я этого залётного жулика при любых раскладах мимо не пропустил бы – у нас, в рабочих кварталах, если вора какого поймают, бьют всем миром, жестоко, но не до смерти. Учат, значит, чтобы к честным трудягам не совался, погань, а тут мне его изловить сам Бог велел – не попустить смертоубийству приключиться. Двинул я его в лоб с левой – удар у меня этот хорошо поставлен, – когда воришка мимо меня пронестись пытался, не сильно-то так и вдарил, а он аж ноги выше головы вскинул да едва колесо в воздухе не сделал, падая. Спиной да затылком о землю приложился, болезный, воздух из него выбило – как не сломал себе ничего, ума не приложу.

Тётушки, что нехитрыми своими товарами на этом ряду торгуют, сразу воришку колотить бросились, у кого чего под рукой было, а я только и успел, что к обворованному джентльмену шаг сделать, объяснить хотел, что нам тут убийств не надобно и что кошелёк его сейчас вернут ему честь по чести, чтобы забирал его и шёл себе... Да только не успел я и второй шаг сделать, как мужчина этот из кармана сюртука свисток полицейский достал, да как дунет в него – всем по ушам шибанул так, что попадали некоторые.

Полисменам, знамо дело, не обычные свистульки выдают, а специальным образом зачарованные. Такой, если его определённым образом нажать, оглушает не хуже фабричной сирены, и в самом главном управлении, на городской карте, тут же точка красная гореть начинает. Значит, подкрепления полицейскому нужны или преступника задержал, если эдак вот засвистел.

Тут же, пока я вой этот из ушей вытрясал, появились, ну как из-под земли, двое констеблей, вора у тётушек, свистом оглушенных, забрали да наручники на него надели, а обворованный джентльмен этот ко мне подходит.

– Здравствуйте, – говорит, – сударь. Я сержант полиции, Конан Сёкли, а вы, милостивый государь, кто будете?

– Я, – отвечаю, – Айвен Вильк, молотобоец с фабрики мистера Стойка, господин сержант.

– Мистер Вильк, вы, я заметил, видали, как этот тип, – Сёкли кивнул на арестованного вора, – ухватил мои и той пожилой леди вещи и бросился с ними бежать. Поскольку она у нас пойдёт в качестве потерпевшей, вас я попрошу проследовать с нами в участок, чтобы засвидетельствовать факт кражи.

– Ну отчего бы и не засвидетельствовать? – Я пожал плечами. – У нас здесь воров не жалуют. Не до такой степени, чтобы полиции сдавать, если говорить между нами, сержант, но коли уж он попался...

– Приятно встретить такое здравомыслие, – ответил он и, повернувшись к констеблям, приказал: – В околоток этого, будем оформлять. Потерпевшая есть, свидетель тоже, да какой свидетель – не чета вам, тюленям нерасторопным! Сам, слышите, преступника скрутил, пока доблестные полисмены где-то посреди торговых рядов шляются, перед девками форсят.

– Э, неправда ваша, шкипер, – ухмыльнулся один из них. – Вы-то здесь были.

– Поговори у меня, Стойкасл, – проворчал мистер Сёкли. – Что-то вы делали бы без своего старого сержанта, который, напомню тебе, аккурат сегодня-то и не на службе? Лучше бы удару у вот этого молодого быка поучились, чем балаболить.

Очень он меня потом, по дороге, расхваливал, мне прямо и неудобно стало – ничего же я такого особенного не сделал. А в его изложении получалось, что прямо я подвиг совершил и особо опасного преступника задержал.

– Совсем вы меня засмущали, сержант, – наконец, уже в участке, признался я ему. – Понятно же, что парень этот вор не профессиональный, а обычная голытьба с Нижнего Сити, с голодухи, поди, и решился на такое.

– Очень, очень интересно. – Секли оторвался от заполнения протокола, где он фиксировал мои показания, и с любопытством поглядел на меня. – И отчего же вы делаете вывод о том, что он именно с Нижнего Сити, а не из бараков Фэкториз, например?

– Так... – Я даже растерялся на миг. – Да не похож он на факториала. У тех копоть и сажа так въедаются в кожу и волосы, что только в хорошей суомской бане и отмоешься, а она, баня-то, так расслабляет, что после неё идти воровать... Ну, глупо это как-то. И одёжка у него попримечнее той, которую большинство факториалов носят. И не рыбак он, из них запах рыбы полностью вытравить никак нельзя. Не в теле, так в одежонке задержится. А в наших кварталах я и не видал его никогда. Вот и выходит по всему, что нижнегородец он.

– Замечательная наблюдательность, – пробормотал себе под нос сержант. – Ну а отчего вы считаете, что он не матросик с торгового судна, к примеру? Стащил бы, что плохо лежит, и ищи его завтра в открытом море?

– Да вы, верно, шутите, сержант? – Я даже рассмеялся. – Уж на их-то брата я насмотрелся, их любой дубровский за милую по походке отличит.

– И то правда, мистер Вильк, – посмеялся сержант вместе со мной. – Вы умеете подмечать мелочи, это хорошая черта, полезная. Ну что же, я вам сейчас вслух зачитаю, что написал в протоколе, и, коли всё правильно, попрошу вас на нём расписаться. Сможете?

– И отчего же не смогу? – Даже досадно мне на него стало. Что же это, если я такой крупный и сильный, то обязательно глупый и необразованный? – Очень даже смогу, да и утруждаться вам, читая мне вслух, смысла никакого нет. Грамоте обучен.

– Ну-ка, ну-ка. – Сержант аж подобрался, словно кот перед прыжком на воробья. – А продемонстрируйте умение, мистер Вильк. Я, знаете ли, не всегда неточности на написанном вижу, на слух оно лучше у меня выходит. Не изволите ли?

Я принял от него лист с протоколом да и прочёл написанное вслух – трудно мне, что ли?

– Да вы, мистер Вильк, не иначе, и писать можете?

– Не очень быстро, – вынужден был признать я. – Практики с пером мало. Вот с молотом этого куда как более. Но когда кому из соседей надо письмо накорябать родне, так ко мне всегда приходят.

– Слушайте, да вы же настоящий клад! – воскликнул сержант. – Отчего же вы мне ранее-то не встречались? Ведь, поди, и не пьёте вовсе?

– Ну, кружечку или две на праздники можно, – не согласился я. – Или под выходной пинту. Одну. Затратно это – пьянствовать, а пользы никакой.

– Воистину клад! Послушайте, мистер Вильк, а не хотелось бы вам служить в полиции? Вы нам как нельзя лучше подходите, и вакансия у меня сейчас есть.

Так я в констебли и попал. Случайно, что уж тут скажешь. Не столь уж и великое у констебля жалованье, чтобы так вот на него и позариться – три шиллинга в день, – да и из молотобойцев меня обещали в мастера перевести. Год уже обещали, но что-то никак всё.

Даже пришлось сержанту меня с пару минут поугаваривать, в сомнениях я был всё же. Но – согласился.

Напоследок судьбой «приголубленного» мной воришки поинтересовался.

– Что ж с ним будет-то дальше, сержант? – спросил я. – За мелкую кражу три года тюрьмы дают, я слышал.

– Три, да не три, – ответил мне мистер Сёкли. – Это уж от обстоятельств зависит. А они таковы, что он покусился на имущество полисмена, притом открыто, посередь бела дня и при скоплении народа, а такое деяние квалифицируется как грабёж, сиречь открытое хищение чужого имущества, и светит ему аж семь лет каторги. Ну, это если судья сильно не в духе будет, конечно.

– Семь лет каторги?! – изумился я. – За кусок ткани, шаль и кошелёк?!

– Ну-ну, не зверь же я, в самом деле, – поморщился сержант. – На такие случаи уже столетие как есть указ его величества императора и короля Бриана Седьмого. Подпишет десятилетний контракт на службу во флоте и отправится бороздить моря. На кораблях служба, конечно, совсем не сахар, но и не каторга беспросветная. Сыт будет, опять же... если попадёт на корабль с нормальным старшим офицером.

И монетка малая сержанту за завербованного на флот матроса перепадёт – это известное дело. Ну да не мне его за то осуждать, наверное.

– А-а-апчхи!

– Будьте здоровы, сестра Епифания.

– Благослови вас Господь, констебль. – Монахиня из расположенной близ порта обители Святой Урсулы, гренадёрских пропорций женщина, перехватила немаленький мешок левой рукой, правой сотворив в моём направлении крестное знамение.

– Вы позволите вам помочь? – поинтересовался я. – Я мог бы сопровождать вас.

– Ох, буду весьма признательна. – Она немедленно вручила мне свою ношу, увесистый куль.

– Опять книги из Ниппона?

Причин у моей галантности было две, и обе насквозь меркантильные.

Первая заключалась в том, что я проголодался, а неподалеку от Института благородных девиц, который содержали монахини, имелся, как это называется на французский манер, кафетерий. Несмотря на расположение в довольно престижной части Сити, заведение это не слишком, на мой взгляд, дорогое. Дело в том, что содержит его приезжий ниппонец, потчующий всех желающих (а экстравагантных людей в столице хватает с избытком) блюдами национальной кухни этой нашей заморской колонии. Пусть на многие кушанья цены у почтеннейшего мистера Сабурами и заоблачные, но стыд и честь этот невысокий азиатский джентльмен не теряет и за еду простых горожан из Ниппона деньгу не ломит.

Отведал его стряпню я в первый раз нечаянно. Мы с констеблем Стойкаслем как-то побились об заклад на желание, что я порву целую папку с делом голыми руками. Я тогда только поступил на службу и не знал ещё, какой он хитрован. Стойкасл-то хотел надо мной подшутить – не от злобы, а от весёлости характера – и из подлежащих утилизации дел в архиве выбрал, казалось, совершенно случайное. Потом-то он признал, что специально эту папку приметил, где в качестве вещественного доказательства, подшитого в материал каким-то умником дознавателем, фигурировала стальная пластина. До половины я папку разорвал, но не осилил целиком – пришлось исполнить обещание, которое и заключалось в том, что я отведаю одно из блюд ниппонской кухни. Очень уж они, ещё год назад даже, были в диковинку.

Глядеть на действо поедания собрался едва не весь участок. Мистер Сабурами

появлению полусотни с небольшим констеблем, и даже инспектора О'Ларри с ними, несказанно удивился, предположив облаву, однако, вникнув в суть дела, немедля пришёл мне на помощь. Всё же добрейший он человек, этот мистер Сабурами. Через несколько минут уже приготовил блюдо, которое, как уверял, не должно было вызвать у меня отвращения, – варёное ниппонское просо, именуемое «рис», с ошпаренной морской рыбой, нарезанной мелкими кусками, и с острой подливкой. Что-то вроде той картохи с селёдкой, что рабочий люд каждодневно трескает, только тамошняя.

Порция мне показалась ничтожно малой (что и говорить – в тот момент я облегчённо вздохнул про себя, приготовившись захватить её всю двумя ложками и быстро проглотить, ибо в съедобность ниппонской стряпни не верил ни на фартинг), только слегка заморить червячка по объёму. Каково же было моё изумление, когда, скушав непривычную, но вполне приятную по ощущениям пищу, я вдруг понял, что сыт! Да, оказалось, что этим ниппонским просом я наедаюсь куда как плотнее, чем самой лучшей ячменной кашей. Правда, для сего пришлось освоить чудные столовые приборы – две палочки, – которые первые четверть часа либо выпадали из моих рук, либо ломались... Но мистер Сабурами лично взялся меня обучить ими пользоваться, и, некоторое время спустя, я смог приступить наконец к трапезе.

Да, пока я учился орудовать ниппонскими палками, шуток в мой адрес, беззлобных и не обидных, конечно, летело множество, а каждый раз, как я их ломал, звучал очередной взрыв хохота, но я был верен слову и упрям, а содержатель кафетерия, к которому такая толпа констеблей привлекла внимание едва не всего променада на набережной, – терпелив, и наука ниппонского питания мне поддалась. Ведь нет такой вещи, что не осилит изучить ирландец! И пусть блюдо пришлось сготовить заново аж пять раз – результат того стоил.

Как человек небогатый и к излишним тратам не склонный, я тут же мысленно подсчитал, в выгоду или в убыток мне будет есть эдакий вот рис с рыбой, и пришёл к удивительному выводу, что нашим, с Зелёного Эрина родом, содержателям таверен и прочих кафетериев я переплачиваю за сытость чуть не вдвое!

С тех пор, при случае, я обедаю у мистера Сабурами. Как, кстати, и многие констебли, ради которых ему пришлось ввести в своё меню некоторые перекусы из европейской кухни – например, пончики. Правда, продаёт он их лишь в том случае, если ты находишься при исполнении: в форме. Боюсь, что даже комиссару Дубровлина он без формы не продаст ничего, что не относится к его родной ниппонской кухне, – настолько мистер Сабурами человек принципиальный. Уважаю его за это.

Так вот, при случае, сказал я. И этот случай отведать рис был весьма подходящий, ведь формально заведение ниппонца находится на границе моего участка, и я могу зайти туда, дабы проверить благочиние.

Второй же причиной для таскания груза была сама сестра Епифания. Так мне приятно на неё смотреть...

Не подумайте дурного, Христа ради! Она – Его невеста, никакой похоти я, глядя на неё, не испытываю. Ведь не вожделеете же вы русалок и ундин на памятнике адмиралу О'Ривзу или наяду, которая там же, в неглиже. И я так, гляжу на неё, как на памятник того, что мне нравится в женщинах: большая грудь, широкие бёдра и лёгкий такой жирок на талии. Будь она ниже меня, а не вровень, лет хоть на десять моложе и не католической монахиней, ох, я не устоял бы пред греховным соблазном! Но озвученные факты мне в нарушение заповеди «Не возжелай», в её-то отношении, впасть позволения не дают. А отнюдь не её дородность, как говаривают некоторые шутники насчёт наших с ней добрых отношений.

– Да, констебль, – кивнула Епифания. – Мать настоятельница увлекается садоводством, выписала из Киото какую-то «Персиковую ветвь» и что-то ещё про нефрит, по минералогии, я полагаю. И перевод богословского трактата из Чайнской империи: «Дао любви». Это, насколько могу судить, размышления тамошних святых отшельников на тему заповеди «Возлюби ближнего своего». Опять, не иначе, целый месяц с дамами из попечительского совета будут изучать на предмет отсутствия ересей и опять решат, что воспитанницам эти трактаты читать ещё рано.

– Судя по весу, в мешке имеются и образцы к трактату по минералогии, – дружелюбно заметил я.

Сопроводив монахиню до обители и распрощавшись с ней, я направился к кафетерию мистера Сабурами, твёрдо намереваясь перекусить поплотнее, однако случиться этому было, увы, не суждено. Практически у самого входа я был перехвачен одной пожилой леди, представившейся как мисс Бурил, домовладелица и профессиональная сваха, которая потребовала немедленно прекратить безобразное поведение своего соседа, в окошко демонстрирующего всем желающим обнажённую женскую натуру. Попрание общественных приличий было налицо, и я вынужден был поспешить по указанному ею адресу.

Нарушитель проживал в мансарде доходного дома, и, прежде чем заходить к нему, я выяснил его личность у соседей. Оказался он студентом Художественной академии, звался Доналл О'Хара и ни в чём предосудительном ранее замечен не был. Наоборот, соседи характеризовали юношу исключительно с положительной стороны. Так, с их слов, молодой художник охотно оформлял соседям поздравительные открытки и никогда при том за этот свой труд не брал и полпенни (хотя от домашней выпечки, в качестве благодарности, отказаться сил в себе и не находил), расписывал яйца к Пасхе, тоже даром, а на Рождество нарисовал целую картину, каковой жильцы украсили фасад своего дома к празднику. Удивительно положительный студент выходил из описания соседей. Даже подозрительно это.

– А бывают ли у него девицы, мэм? – поинтересовался я у его соседки, дамы в годах, но ещё отнюдь не старушенции. Бывшей, как она сообщила, актрисы.

– Разумеется, – кивнула та с непередаваемым апломбом. – Но вовсе не для того, что себе навывдумывала эта мисс Бурил. Молодой человек их у себя рисует. Хотя, честно говоря, лучше бы старая склочница была права, если вам интересно моё мнение. Картины – это очень хорошо, но надо в доме и живую женщину иметь.

Такие эмансипические рассуждения со стороны пожилой леди, сказать по чести, несколько смутили меня, однако не до такой степени, чтобы не отметить произнесённой ею фамилии заявительницы. Поскольку сам я о том, кто именно вызвал констебля, не сообщал, то пришёл к выводу, что конфликт мисс Бурил с соседями куда как более давлен и глубок, чем могло показаться на первый взгляд, и поставил себе в уме зарубку поспрошать об этом прочих констеблей нашего участка.

Все требования инструкции были мной выполнены, и ничто более не препятствовало мне осмотреть место возможного правонарушения. Попрощавшись с соседями студента и заверив их, что помощь мне не требуется, я немедленно поднялся по ветхой скрипучей лестнице к обители молодого мистера О'Хара и постучал в его дверь, не забыв произнести предписанную уставом фразу «Откройте, полиция».

Жителем мансарды оказался болезненно худощавый парень, навряд ли старше шестнадцати лет. Лицо его было заспанным, рубаха и брюки, видневшиеся из-под халата,

выглядели несвежими, а на заметной через дверной проём старенькой оттоманке наблюдался беспорядок. Из всего вышеперечисленного любой бы сделал вывод, что юноша перед моим приходом спал, а следовательно, никак девиц демонстрировать был не в состоянии, если только не страдает лунатизмом (о чём его соседи не упоминали, а ведь будь с ним такая беда – не преминули бы). Однако же служба полисмена предполагает тщательное и всестороннее исследование поступающих нам заявлений, отчего и отринуть слова мисс Бурпл, посчитать их блажью выжившей из ума старушечки я никак не мог.

– Мистер Доналл О’Хара? – поинтересовался я у юноши и, дождавшись его кивка, представился сам: – Констебль Вильк. На вас от соседей поступила жалоба, сэр, что вы демонстрируете в окно обнажённых девиц.

– Но здесь нет никаких девиц! – воскликнул художник, моментально просыпаясь. – Я совершенно один!

– Прошу меня извинить, мистер, но я обязан проверить это утверждение, – сурово ответил я. – Прошу вас впустить меня в помещение.

– Да ради всего святого, извольте! – Он всплеснул руками и посторонился, давая мне пройти. – Как можете видеть, комната тут одна и, кроме нас, здесь никого нет!

– Хм... – Я сдвинул свой шлем чуть на затылок и огляделся, уперев руки в бока.

Что ж, как и обиталища многих студентов, виденные мною за полтора года службы неоднократно (увы, не всех соседи характеризовали столь положительно, как этого), эта мансарда была скудно обставлена, содержа лишь самый минимум необходимого: оттоманку, стол с изрезанной столешницей, на котором лежали несколько холстов, потёртый платяной шкаф, три видавших ещё прошлое царствование стула из разных гарнитуров да мольберт близ окна. В углу, за занавесью, угадывался умывальник и ведро для нечистот. Там же должна была быть и плита, если судить по проходящему по стене дымоходу.

– Попрошу вас открыть занавесь и шкаф, мистер О’Хара. Я должен убедиться, что там никто не скрывается.

– Убеждён, что мне-то скрывать как раз и нечего, констебль! – вспыхнул художник, порывисто отдёргнул занавеску и не менее резким движением распахнул шкаф.

Разумеется, никого там не было и быть не могло, но порядок есть порядок.

– Хм...

Я подошёл к окну мансарды, однако и на стекле никаких признаков обнажённой девицы не обнаружил. А вот прямо напротив окна, на мольберте – обнаружил.

– Вот, – указал я юному дарованию на холст, где явно проглядывались, пока ещё только в наброске, очертания женской фигуры. – Вероятно, имелось в виду это.

– Возмутительно! – воскликнул художник. – Это будет картина с греческой богиней Афиной, и она будет в одежде!

– Но сейчас этой одежды на ней не наблюдается, – отметил я. – Посему я вынужден вынести вам предупреждение и попросить впредь закрывать эту мистрис Афины чем-то, когда не будете рисовать её портрет. И поступать вас так прошу впредь до тех пор, пока одежда не будет нарисована, поскольку отсутствие оной одежды может оскорблять чувства добрососедства. Вы согласны со мной, мистер О’Хара?

– Это ханжество, констебль, но я сделаю так, как вы сказали, – кивнул молодой человек, внимательно рассматривая меня. – Я, однако, тоже хочу попросить вас об услуге. Видите ли, на этом полотне также должен быть изображён и второй греческий бог, Арес, и, как мне кажется, вы бы гляделись в его роли весьма выигрышно для полотна. Не уделите ли вы мне

несколько минут? Я только сделаю карандашный набросок.

– Хм... В роли иностранца, сэр? Не уверен, что мне это позволено правилами, при всём моём уважении к людям искусства. К тому же я вроде как при исполнении... – Просьба художника ввергла меня в некоторый ступор.

– Иностранного бога военного ведомства! Уверен, в этом нет никаких нарушений! – горячо принялся убеждать меня тот. – И это займёт не более пяти минут! Не погубите, где ещё я найду такой типаж?!

– Хм... Военного, значит? Ну, хорошо, – решил я. – Но прошу вас никому о том не распространяться.

Заняло это упражнение в рисовании, правда, чуть более, чем обещалось, однако результатом я мог быть вполне доволен: вышло на меня очень похоже и уж точно лучше, чем у нашего штатного мазилки. Из-под карандаша того рисунки арестованных такие выходят, что опознать по ним кого-то можно, лишь будучи очень пьяным.

По окончании же, распрощавшись с юношей, я спустился на улицу, где, у самого крыльца, меня уже поджидали и соседи художника, и мисс Бурпл с парой кумушек.

– И что же вы скажете, констебль? – трагическим голосом спросила бывшая актриса. – Наш сосед и впрямь преступил закон?

– Не совсем, мэм, – честно ответил ей я. – На его полотне и впрямь отсутствует изображение одежды на леди. Но и то, что должно бы быть под ней, оно отсутствует тоже. Я попросил мистера О'Хара закрывать холст до тех пор, пока одежда не будет нарисована.

Поскольку добрые соседи из двух доходных домов явно собирались сцепиться в споре, участвовать в котором я не имел никакого желания, мне не оставалось ничего иного, как побыстрее откланяться, сославшись на службу.

От обиталища мистера О'Хара я направился именно туда, куда и намеревался перед этим, – к мистеру Сабурами, ибо голод, как известно, не тётка, а такого крупного мужчину, как я, надобно кормить регулярно, чтобы не случился упадок сил, препятствующий исполнению служебных обязанностей. Но стоило мне ступить на крыльцо кафетерия, как с соседней улицы раздался громкий сигнал полицейского свистка, на который моя нагрудная бляха отозвалась мелодичным перезвоном.

Ну, всё понятно: свисток по форме два, означает, что подкрепление полисмену не требуется, но помощь отнюдь не помешает.

Вздохнув о несостоявшемся обеде, я развернулся и быстрым шагом направился в ту сторону, откуда слышался сигнал.

Буквально в сотне ярдов, за поворотом, моему взору предстал констебль Стойкасл, удерживающий за шкурку красномордого господина в помятом распахнутом светло-сером макинтоше поверх бежевого костюма в мелкую клетку и без шляпы. Судя по качеству и потёртости (вернее – непотёртости) ткани пиджака, удерживаемый джентльмен, который, отчаянно пытая что-то нечленораздельное, но явно – возмущённое, пытался вырваться из крепкой руки констебля, относился к жителям среднего достатка.

– А, Айвен! – обрадовался Стойкасл, словно ожидал увидеть на моём участке кого-то иного. – Гляди-ка, какую пьянь я на твоём участке задержал. Ещё и темнеть не начало, а он лыка не вяжет!

Собственно, он был прав: участок мой кончается только на следующем перекрёстке, у дома с мезонинами. Однако же готов побиться об заклад, что шёл он к мистеру Сабурами, когда этого пьянчужку приметил.

– В общем, волоки его в участок, дружище, пусть там проспится.

– М-м-ня-мыму-мымур сам! – подал голос задержанный.

– Вот видишь – совсем никакой, – осклабился Стойкасл. – Даже имя своё произнести не может. Мистер, как тебя звать-то?

Он встряхнул пьяницу за шкурку, отчего у того начала болтаться голова.

– Мнэумнэээ ффесстокл о-о-о адвокат, – попытался ответить тот.

– Будет, будет тебе, любезный, адвокат. И адвокат, и обвинитель, и жюри присяжных, – хохотнул мой коллега. – Ну, чего глядишь, констебль Вильк? Забирай клиента, а я пошёл. Меня пончики у Сабурами заждались!

Вот же гад! Пока я задержанного до участка доведу, куда оформлю, ведь время обеда давно пройдёт. Нет чтобы самому сволочь в кутузку...

Мы поставили друг другу отметки о встрече в наших журналах дежурства, я принял (под роспись, разумеется, всё строго по инструкции) задержанного и потащил упирающегося и норовящего при этом упасть джентльмена в участок.

Боюсь, что по прибытии в него я был весьма далёк от такой христианской добродетели, как любовь к ближнему. Обшарив карманы злосчастного пьяницы, лишившего меня обеда, а мистера Сабурами – клиента, и сдав всё найденное, по описи, дежурному констеблю на хранение, я запихал задержанного в камеру к бродягам и цыганам^[1]. Вот будет ему стыдоба, негоднику, когда проспится! Особенно если подхватит вшей от соседей – уж тогда не только совесть грызть его станет.

В которой констебль Вильк продолжает исполнять свои прямые обязанности, стойко перенося тяготы и лишения службы, доктор Уоткинс оказывает пострадавшим первую медицинскую помощь и обращает внимание следствия на странности дела, а инспектор О'Ларри не только успешно вербует штатского специалиста, но и обнаруживает источник зловредного токсина

Наскоро перекусив пирожками миссис Хобонен, которые она продавала в обед дежурным констеблям в участке (старушка проживает неподалёку, готовит воистину ужасно, но в летнее время это единственная возможность достать что-то себе на обед, поскольку погреб с ледником в участке не предусмотрен и принесённая с собой пища непременно протухла бы), я поспешил вернуться на свой участок.

От жаренных на прогорклom масле, начинённых квашеной капустой пирожков у меня началась натуральнейшая изжога, а привкус во рту стоял премерззопакостный – хорошо хоть, икота, как в прошлый раз, когда я отведал стряпню миссис Хобонен, не приключилась, – однако эти неудобства никак нельзя было счесть достаточным основанием, чтобы отлынивать от несения службы.

В последующий час я успел шугнуть с набережной стайку мальчишек из фабричных кварталов – нечего им делать там, где гуляют джентльмены и леди, стибрят ещё что-нибудь, а коли так уж хотят на корабли поглазеть, то пускай бегут к докам, как и я в детстве бегал, – и рассудить спор между кебменом и приезжим деревенщиной. Молодой, лет семнадцати, провинциал прибыл вторым классом из Рёкьявида, главного (и чуть не единственного) города Туманного Эрина, в Дубровлин и, уже усевшись в кеб, отказался платить названную цену за проезд, сочтя её чрезмерно высокой. Пришлось объяснить, что таковы правила имперской столицы, установленные городским магистратом: сел, так плати. И если молодой джентльмен не желает оказаться в участке...

Он не желал.

Хотя цену, конечно, кебмен задрал несусветную. Видано ли – два гроута за пятиминутную поездку! Осталось лишь утешить себя тем, что не я принимаю законы, я лишь тщательно слежу за их выполнением.

Чуть позже я попросил слегка подгулявшего в пабе «Русалка и Тритон» джентльмена покинуть набережную, тот поведал мне о своей боязни плаваний и о том, что он уже торопится на ждущий его корабль, отказался от сопровождения и слегка нетвёрдой (но всё ещё остающейся в рамках приличия) походкой поспешил к причалам. Я внимательно проследил за ним – не раз такие вот гуляки рассказывали мне подобные истории, оказываясь при этом лжецами, – но этот господин и впрямь поднялся по сходням на палубу бригантины «Бранвен», и со спокойной душой я вернулся к обходу.

Проходя мимо заведения мистера Сабурами, я с печалью вспомнил пирожки миссис Хобонен, которые всё никак не желали улечься у меня в животе, и, дабы не расстраиваться, отвернулся в противоположную сторону. Взор мой при этом упёрся во вход Института благородных девиц, к которому я сегодня провожал сестру Епифанию.

Стоило мне лишь глянуть в ту сторону, как высокая арочная дверь института распахнулась и на пороге его появилась донельзя растерянная монахиня. Увидев меня, эта

невысокая, весьма пожилая и сухонькая сестра всплеснула руками, сложила их в молитвенном жесте, на миг возведя очи горе, истово перекрестилась и засеменила ко мне.

Я, признаться, не привык к таким проявлениям чувств при виде полисмена и поспешил ей навстречу, подразумевая неладное. О, как я оказался прав!

— Констебль, ох, констебль, как хорошо, что вы здесь! — громким шёпотом зачастила монахиня, вцепившись в мой рукав. — Скорее, пойдёте же скорее, пока этого не увидели воспитанницы и остальные сёстры! Это же такой ужас, это же страх Господень, я сама-то думала, что моё старое сердечко не вынесет такого зрелища!

— Да что случилось, сестра? — удивился я, давая увлечь себя в направлении входа в институт. — Опять на кухне сидит здоровенный пасюк?

Был с полмесяца назад случай, не в мою, правда, смену. Здоровенная крыса неизвестно как пробралась в это женское царство — с корабля пришла, не иначе — и нахально расположилась с уворованным куском варёного мяса прямо на разделочном столе, до полусмерти напугав повариху. На женские визги рыжая тварь никоим образом не реагировала, и монашкам, дабы справиться с сим наглым захватчиком, пришлось звать на помощь полицию. После того случая в институте завели кота, быстро ставшего всеобщим любимцем. Видал я его несколько раз в окне: здоровенная раскормленная скотина с наглой мордой. И тоже, кстати, рыжий. В общем, настоящий ирландец — одобряю.

— О, боюсь, всё гораздо и гораздо хуже. — Престарелая Христова невеста продолжала тянуть меня за рукав, увлекая по коридору института. — У нас в саду... Ох, я вымолвить не решаюсь, вам самому на это надо глянуть, констебль.

Пара встреченных нами девиц проводили нашу пару удивлёнными взглядами.

— Они же сначала разговаривали в беседке, смеялись, я сама слыхала, — тараторила монахиня, открывая двери на нашем пути. — А потом уселись пить чай, и через некоторое время я пошла спросить, не надо ли чего...

За дверьми оказался внутренний двор с садом в колониальном стиле. Бассейн в центре, имитирующий озерцо с каменистыми берегами, на его кромке беседка и небольшой домик в ниппонском стиле, с окошками под самым скатом крыши, вечнозелёные кустарники, бамбук, сосны, кипарисы по всему двору, равно как и заросшие мхом валуны, между которыми петляют тропинки, выложенные из булыжников разных форм и размеров. Прямо и не знаю, что за удовольствие ходить по таким, когда можно сделать тропы из нормальной брусчатки?

— Я подошла, — монахиня всхлипнула, продолжая тянуть меня за рукав с настойчивостью локомотива, — глянула, да и сердце у меня обмерло. А внутри, внутри-то тишина мёртвая, будто и нет никого, а они ж все там! — Мы стремительно приближались к строениям в глубине сада. — А я и войти боюсь, и бежать боюсь, страх меня такой взял. А *она* — там. И не шевелится.

— Да кто же «она»? — попытался я вклиниться в речь пожилой сестры.

— А она. Вот. — Монахиня указала на приоткрытую наполовину дверь (узкую и низкую, я если и войду, то с трудом) в домик.

На выскобленных до белизны досках отчётливо виднелась бледная рука, выглядывающая из-за полуоткрытой ширмы-двери. Женская, судя по форме и покрою манжета на сером рукаве.

— Стойте здесь, сестра, — сурово приказал я и стремительно открыл дверь.

Монахиня сдавленно пискнула. На полу, вытянувшись во всю длину, лежала леди в строгом платье из очень хорошей ткани. В глубине помещения, а домик представлял собой

одну-единственную комнату, виднелись ещё несколько женских тел.

Наклонившись к лежащей у входа даме, я, как учили, попытался проверить у неё биение жилки на шее.

– Жива, – констатировал я, поднимаясь. – Но без чувств.

Честно говоря, первоначально мне инструкция предписывала оценить место происшествия, но, поскольку первым его я обнаружил, так уж случилось, впервые, мой растерянный порыв вполне, надо полагать, простителен.

Выяснив же, что предо мною не холодный труп, а вполне живая леди, я вспомнил о своих обязанностях и немедленно оглядел комнату, не входя, впрочем, в неё. И правила таковы, да и, даже кабы я про них запамятовал, протиснуться внутрь домика с моими габаритами довольно проблематично.

Очень скромный это оказался домик, с настоящей монашеской аскезой возведённый: стены без лепнины или резьбы, ковров и позолоты, отделанные простой серой глиной. Полы застелены обычными соломенными половичками – кажется, они называются «татами», хотя я не уверен в этом, – из мебели только низенький овальный столик и сундучок, скорее даже шкатулка, натуральная мечта старьевщика, должен заметить. Имелся в домике также очаг, в самом центре зала, такой... бедняцкий очажок, открытый, над которым на огне можно готовить и кипятить воду – этакие только в глухих деревнях и на вконец уж нищих окраинах встречаются.

Прямо напротив входа имелась ниша, в которой виднелись дымящаяся и распространяющая приятные ароматы курильница, цветы в неказистой вазе и лист бумаги на стене с начертанным на нём вручную какой-то, я полагаю, кисточкой, а никак не пером, изречением из Писания: «Мужи, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь, и Себя предавайте за них». Ещё вокруг столика, сервированного простейшими чашками и чайником (столь же затрапезного вида, что и сундучок), а также полупустым подносом с пирожными, было несколько каких-то пуфиков, на которых ранее, вероятно, сидели обнаруженная мной леди и её товарки.

Сейчас же и остальные леди, подобно первой из увиденных мной, лежали вокруг стола, живописно раскинувшись. Четверо из них были облечены в светлого тона платья, пятая же, почти невидимая за столиком, была в монашеском одеянии. Вероятно, это была мать настоятельница.

Падали дамы, по всей вероятности, внезапно – три чашки валялись на полу, одна притом в виде осколков, чай из них разлился по полу, а под стол натекло что-то ещё, более тёмное. Вино?

– Сестра... Простите, не знаю вашего имени, – повернулся я к престарелой монашке.

– Приняла с постригом имя Евграфии, вот уже тридцать пять лет тому как, – сообщила она мне.

– Сестра Евграфия, в этот сад выходов из института и обители сколько?

– Два, – ответила она. – Врата из обители сегодня затворены, а из института мы с вами пришли.

– Тогда я попрошу вас пройти к воротам из института и проследить, чтобы никто до прибытия полиции в сад не входил, а если окажется, что кто-то внутри, не выходил из него тоже. Сам я останусь охранять место происшествия. И попросите кого-нибудь пригласить сюда врача. Вам понятно, сестра?

– Да, – кивнула в ответ она, развернулась и засеменила по тропинке к трёхэтажному

особняку позапрошлого века, соединённому стеной из дикого камня со зданием аббатства Святой Урсулы. Собственно, именно в этом особняке Институт благородных девиц и располагался.

Я же вновь глянул внутрь домика и, вздохнув, потянул из кармана свисток. Тёмная лужа под столом всё росла и росла, и боюсь, никакое это не вино.

Я покачал головой, вставил мундштук свистка в рот и, ухватив его у самых губ, подал сигнал по форме четыре. Негромкая, почти неразличимая трель пронеслась по саду, и все сидевшие на деревьях птицы немедленно вспорхнули в воздух. Животные вообще, я слышал, недолюбливают этот сигнал, как правило являющийся вестником чьей-то смерти. Да и мне слегка от него на уши надавило.

Первым, что неудивительно, мне на подмогу примчался запыхавшийся констебль Стойкасл.

– Что?.. – Он глотал воздух, словно выброшенная рыба. – Случилось?

– Сам глянь, – предложил я.

– Мер... Уф, мерзко, – заключил он, пытаясь отдышаться. – Кто у калитки?

– Э? – не понял я. – У какой калитки?

– У калитки в стене, разумеется.

– А там и калитка есть? – удивился я.

– Балбес! – резко выпалил он, развернулся и бросился по тропке прочь от меня.

Вернулся Стойкасл быстро, до того, как подоспели ещё несколько констеблей с соседних участков патрулирования.

– Ушёл. – Он зло сплюнул наземь. – Калитка нараспашку, сестры-привратницы тоже нет. Прикрыл на запор покуда, чтоб не шастал никто. Да не журишь, Вильк, про тот ход мало кто знает. Монахини им сейчас почти и не пользуются – только утром, за молоком через него шныряют. Так им до рынка ближе выходит. Инспектору я сам доложу об открытой калитке, пусть на меня рычит за то, что я тебе раньше о ней не рассказывал. – Он махнул рукой. – Пойду сестру у входа сменю, а то опять сержант все мозги съест, если наших монашка вместо констебля встретит.

И вновь я остался ненадолго один. Едва Стойкасл сменил на посту сестру Евграфию, как один за другим появились сначала ещё четверо констеблей из нашего участка (двоих Стойкасл развернул, чтобы никого не выпускали из института и обители, ещё одного направил к калитке и последнего к запертым воротам, на всякий случай), затем старший инспектор Ланиган в сопровождении инспектора О'Ларри, дагеротиписта О'Кучкинса и его ассистента Бредли, тащащего аппарат для съёмок и раскладную треногу. К моему удивлению, с ними не было мистера О'Блинка, нашего штатного художника.

Все четверо быстро прошли к охраняемому мной домику, задержавшись лишь на пару мгновений у поста Стойкасла – тот доложил об обнаруженной им открытой калитке.

– Ну-с, констебль, докладывайте, что у нас тут? – потребовал Ланиган, заглядывая в домик.

– Пять леди без чувств, но живы. Слабо шевелятся, инспектор, и им всё хуже. У этой, что у порога, осмелюсь доложить, пульс всё слабее и слабее. Ещё одна леди, вероятно мать настоятельница обители, лежит за столиком, предположительно зарезанная – крови, осмелюсь доложить, на полу всё прибывает и прибывает. Я, согласно инструкции, в помещение не входил, чтобы не повредить улики.

– А если аббатиса ещё жива?! – возмутился О'Ларри.

– Бросьте, Брендан, живые так не лежат, – отмахнулся старший инспектор. – А отчего полагаете, что зарезана, Вильк, а не, например, ей размозжили голову?

– Тогда бы, при всём моём почтении, и вимпл, и корнетт пропитались бы кровью, а видимые из-за стола край платка и шляпы сухи и белы, – ответил я.

– Резонно, – кивнул старший инспектор и развернулся к дагеротиписту, вместе с ассистентом устанавливающему свой аппарат для снимков на треногу. – Мистер О’Кучкинс, долго вы ещё? Полагаю, дам надо бы вынести на воздух.

– Непременно надо, – раздался голос за моей спиной.

Я резко развернулся и узрел средних лет джентльмена с небольшими аккуратными, слегка рыжеватыми усиками, какие часто носят кавалеристы, облаченного в распахнутое кремовое пальто поверх тёмного костюма в мелкую полоску и котелок. В левой руке мужчина держал пухлый кожаный саквояж с блестящими ручками.

– Уоткинс! – воскликнул Ланиган. – Что вы здесь делаете?

– Станный вопрос, инспектор, – с огромным внутренним достоинством ответил тот. – Я доктор, и мой долг оказать помощь этим несчастным. А поскольку мой дом находится в непосредственной близости от обители, неудивительно, что сёстры обратились за помощью именно ко мне. А теперь позвольте приступить к моим обязанностям.

– Как только будет сделан дагеротипический снимок – пожалуйста, а покуда прошу вас не загораживать дверной проём. Долго вы ещё, О’Кучкинс?

– Уже всё, – пропыхтел тот, критически осматривая свой аппарат. – Готов снимать.

– Помилуйте, господа, но ведь дагеротипия занимает до получаса! – возмутился доктор Уоткинс. – А если леди умрут за это время? Мне непременно надобно их сейчас же осмотреть!

О’Ларри, до того внимательно вглядывавшийся в лицо одной из пострадавших, подошёл к старшему инспектору и что-то шепнул ему на ухо.

– Вот как? – недовольно буркнул он. – Ладно, снимем общий план уже без тел. Хорошо, осматривайте их, но ничего – слышите меня? – ничего не трогайте. Мы покуда быстро обведём тела и зафиксируем на пластине так.

Ланиган извлёк из кармана пиджака кусок мела.

Доктор, не удостоив старшего инспектора ответом, стремительно подошёл к лежащей у входа леди, пощупал ей пульс, оттянул веко и нахмурился.

– Констебль, – обратился он ко мне, не обращая внимания на возящихся внутри дома и негромко переговаривающихся инспекторов, – это вы первый прибыли на место трагедии?

– Да, сэр, – со всей возможной учтивостью ответил я.

– Вы проверяли пульс у этих леди, когда явились сюда?

– Только у этой. Осмелюсь сообщить, он тогда был сильнее, чем две минуты назад, когда я проверил его вновь.

– Ничего удивительного в этом не вижу... – пробормотал доктор, поднимаясь с колен. – Мистер Ланиган, поторопитесь. У этих леди сильнейшее отравление неким токсином.

– Отравление? – Чертивший мелом силуэт вокруг тела старший инспектор резко разогнулся. – Будете делать промывание?

– Скорее всего, – кивнул мистер Уоткинс. – Хотя яд мог проникнуть в их организмы и другим путём. Помните то дело, когда опекун травил свою подопечную парами ртути, инспектор?

– Как же, как же. – Старший инспектор с подозрением покосился на жаровню, где всё

ещё тлели благовония, и принялся. – Вы полагаете?..

– Вполне возможно, – ответил доктор. – Потому предлагаю немедленно вынести всех леди из комнаты, да и самим покинуть помещение, дабы избежать возможного отравления.

– Всех нужды нет, – ответил мистер Ланиган. – Бедной матери Лукреции вы ничем уже не поможете: нож прямоком в сердце. Но прочих... Констебль, помогите-ка нам.

Вытянув через дверной проём лежащую у порога леди и оставив её на попечении мистера Уоткинса, я, с трудом протиснувшись в ярко освещённый через окна домик, стараясь притом не дышать, стал подхватывать лежащих на полу дам, переносить их к выходу и передавать с рук на руки инспекторам и дагеротипистам. Те в свою очередь препоручали их подтянувшимся за это время констеблям, и я слышал, как доктор велел немедленно доставить их к нему на дом, на улицу Архитектора Бейкера, дом номер 2216.

Бросил я взгляд и на покойную мать настоятельницу, которую мне велено было не трогать. Как и сказал старший инспектор, она была жестоко зарезана, и кинжал, с каким-то непривычным кругляком на месте перекрестья, так и остался у неё в груди, будучи воткнут в тело почти по самую рукоять.

Лицо несчастной было ужасно. Боль, страх, отчаяние были отражены на нём и застыли теперь навеки посмертной маской. Изумрудно-зелёные глаза этой ещё достаточно молодой женщины были широко распахнуты, рот приоткрыт в беззвучном крике, и тонкая струйка слюны, вытекшая из его уголка, уже подсохшая, оставила потёк на щеке. Некрасивая это штука – смерть, доложу я вам. Особенно когда молодых и красивых леди убивают, это вот мне неприятно вдвойне.

А уж что за изверг на монахиню руку мог поднять, что ж за чёрное у такого душегуба сердце, этого я и вовсе никогда не уразумею.

Выбравшись из домика, я наконец позволил себе вздохнуть полной грудью – очень уж инспектор и доктор меня отравой в воздухе напугали. Сами мистеры Ланиган и Уоткинс разговаривали здесь же. Доктор, как я понимаю, давний знакомый старшего инспектора, торопился вслед эвакуированным нами леди – их унесли на нашедшихся в обители носилках, – но настаивал, чтобы инспекторы навестили его, когда закончат осмотр места преступления. Вот интересно, ему-то с этого что?

– Я знаю, знаю, мистер Уоткинс, о вашем интересе к запутанным и загадочным преступлениям, но пока что ничто ни на какую загадочность не намекает. Мы, заметьте, даже осмотр места происшествия пока не провели, – отнекивался старший инспектор.

– Вы полагаете? – с иронией в голосе откликнулся доктор. – Однако странности в этом деле прямо бросаются в глаза, инспектор.

– И это какие же, позвольте полюбопытствовать? – с ничуть не меньшей иронией отвечал мистер Ланиган.

– Это же очевидно. Из шести обнаруженных леди пять отравлены, однако, судя по их состоянию, смерти им, скорее всего, не желали, а одна убита кинжалом. Следовательно, яд на неё либо не подействовал, что само по себе весьма странно, либо же она и не должна была быть отравлена. Это раз.

– У любого отравителя может произойти накладка, – отмахнулся инспектор. – Вам ли не знать? Вспомните хотя бы того мстителя, Хоупа. Того самого, что умер от аневризмы аорты, не дождавшись суда. Его ошибка стоила мне тогда хорошего пса.

– Допустим, – кивнул доктор. – Допустим, что яд просто не попал в организм матери Лукреции. Это, кстати, отметаёт версию о ядовитых испарениях или чём-то подобном.

Я мысленно перекрестился и вознёс про себя молитву, чтобы мистер Уоткинс оказался прав. Очень уж, признаться, помирать неохота.

– Не очевидно, но вполне вероятно. Допустим. Но обратите внимание ещё на такую странность: тел вы обнаружили шесть, а чайных приборов в помещении – семь. Это два.

– Так седьмой – это убийца и есть, – отмахнулся Ланиган. – Что же тут непонятного или странного? Сейчас допросим монахинь, узнаем, кто ещё был на это чаепитие приглашён – не может быть, чтобы никто этого не знал, он, или она, проходил сюда, как и прочие, через институт, – и арестуем. В крайнем случае дождёмся выздоровления ваших подопечных, они-то точно знают, кто присутствовал.

– Убийца мог прийти и уйти через калитку в стене, инспектор, – покачал головой мистер Уоткинс. – Тогда его видела лишь та из сестёр, которая была сегодня привратницей. Однако констебль Стойкасл был так любезен, что сообщил мне и об открытой нараспашку калитке, и об исчезновении привратницы. Это три.

– Ну так выходит, у нас будет не только убийца, но и его сообщница, – насмешливо фыркнул старший инспектор.

– В этом случае, – язвительно отозвался доктор, – этой парочке следовало бы разделаться со свидетельницами так же, как они разделались с матерью настоятельницей, чтобы избежать опознания хотя бы одного из них. Однако это сделано не было, из чего я прихожу к выводу, что убийство не планировалось вовсе и что мать Лукрецию неизвестный злоумышленник никак не рассчитывал застать в сознании. Она, если хотите, невольная жертва.

– И что тогда планировалось? – озадаченно спросил Ланиган.

– Ну это же очевидно, инспектор, – покровительственно улыбнулся мистер Уоткинс. – Кража. Осталось лишь выяснить, что пропало. В любом случае мне интересно, что вам удастся узнать после осмотра. Я, как вы верно заметили, интересуюсь странными и запутанными преступлениями, и если оно таковым не является, то мы с вами и мистером О’Ларри просто выпьем по бокалу-другому кларета. А теперь, прошу меня простить, я вынужден поспешить к своим пациенткам.

Доктор подхватил свой саквояж и удалился, а мистер Ланиган, человек, должен заметить, весьма кипучей натуры, немедленно обратил своё внимание на дагеротиписта.

– Ну-с, мистер О’Кучкинс, вы уже приступили или нам заката солнца ждать?

– Как только вынесли из помещения всех леди, так и приступил, – мрачно усмехнулся тот в ответ, одной рукой извлекая из кармана жилета хронометр на цепочке, а второй указывая на открытый объектив своего аппарата. Колкость со стороны старшего инспектора этот флегматичный джентльмен привычно пропустил мимо ушей. – Пластины я обработал и вставил в фотокамеру непосредственно перед нашим отбытием из участка, однако с учётом того, что йод на ней за время пути несколько подвыдохся, а освещение в комнате хоть и хорошее, но с прямым солнечным никак не сравнить, фиксироваться картинка должна никак не менее получаса. Иначе я не могу гарантировать, что на снимке можно будет хоть что-то различить. – Дагеротипист открыл крышку на хронометре и глянул на его циферблат. – Осталось ещё двадцать пять минут, господин старший инспектор.

– Прекрасно. – Мистер Ланиган повернулся к инспектору О’Ларри: – Мы как раз можем допросить присутствовавших в институте. Кстати, а где мистер О’Блинк? Кто будет зарисовывать улики, их местоположение, кто будет заниматься, чёрт возьми, всеми этими художествами? Вы же не забыли известить его, Брендан? Если забыли, то самое время

послать к нему констебля.

– Как, мистер Ланиган, вы не в курсе дела? – изумился О’Ларри.

– В курсе чего я должен быть? – насторожился тот. – Неужто он опять запил?

– И это ещё не всё, – скорбно кивнул в ответ инспектор. – Не просто запил, а прямо в участке напился вчера вечером и, когда суперинтендент сделал ему замечание, начал с ним ругаться. Мистер Канингхем тогда заявил, что он устал от выходок мистера О’Блинка, и потребовал от него написать рапорт на увольнение. С сего дня тот больше не служит в полиции. Нового художника обещали нанять в ближайшее время, но пока... – О’Ларри обескураженно развёл руками.

– Весьма неприятно. – Мистер Ланиган извлёк из внутреннего кармана трубку с кисетом и начал с остервенением набивать чашу табаком. – Не стану утверждать, что буду тосковать по О’Блинку, мистер О’Ларри, но кто-то же должен фиксировать улики на бумаге? Вы обладаете художественным даром, Брендан?

– Увы, – печально ответил инспектор. – Способность к рисованию у меня настолько дурна, что если бы это была способность петь, то я характеризовал бы её как последствия исполнения джиги пьяным медведем на моих ушах.

– Должен заметить, что у меня с этим схожие затруднения, – сказал Ланиган, продолжая терзать чашу трубки. – Мистер О’Кучкинс, мистер Бредли, а вы?

Дагеротипист и его ассистент переглянулись и дружно помотали головами.

– Не так плохо, как у господ инспекторов, – произнёс О’Кучкинс, – но явно недостаточно, чтобы приобщать наши рисунки к материалам расследования. И на мой аппарат можете не рассчитывать, господа. Солнце скоро уйдёт, и, даже если я умудрюсь обработать и вставить пластину прямо здесь, необходимое количество снимков сделать всё равно не удастся. Это даже если не вспоминать о том, насколько такая фиксация предметов, может и ненужных в дальнейшем вовсе, дорога.

– Вы правы. Проклятье, но что же делать? – Старший инспектор закусил мундштук зубами и начал хлопать себя по карманам в поисках спичек. – Констебль Вильк, а вы, или кто-то ещё из констеблей, случайно, не умеете рисовать?

– Увы, нет, – ответил я. – Художественные школы – это нам не по карману, господин старший инспектор, сэр.

– Нет, ну где же спички-то? – пробормотал Ланиган, продолжая охлопывать карманы. – Чёрт побери, неужто придётся выпрашивать мазилку в одном из соседних участков?

– Кхм, – прочистил горло я. – Не посчитайте дерзостью, сэр, но это вовсе не обязательно. У меня, если позволите, есть предложение.

– Вот как? – Старший инспектор прекратил свои поиски, взял трубку в руку и с интересом поглядел на меня. – Констебль, вы меня, право, заинтриговали. Что у вас за идея? Как нам не оказаться в должниках перед соседями?

– Если позволите, сэр, тут неподалёку проживает один молодой художник. Я конечно же не разбираюсь в искусстве, господин старший инспектор, но мне показалось, что изображения его работы весьма схожи с оригиналом.

– Ха! А ведь мы вполне можем привлечь его к этому делу как вольнонаёмного специалиста! – воскликнул мистер Ланиган. – О’Ларри, немедленно следуйте вместе с констеблем к этому юному дарованию и, если он хоть вполовину так хорош, как заявил мистер Вильк, тащите сюда.

Несколькими минутами позже я вновь, уже второй раз за этот день, стучал в дверь

каморки мистера О'Хара. Надобно отметить, местные кумушки с интересом следили за нашим появлением через свои окна, а поскольку не опознать в мистере О'Ларри инспектора никак не могли – кто ещё мог прийти к недавнему нарушителю общественного спокойствия в сопровождении констебля, сам будучи облачён в партикулярное? – повод для пересудов мы им дали знатный.

На сей раз юноша не спал и открыл нам практически моментально, хотя «Откройте, полиция!» я и не произносил. Инструкции запрещают требовать открывать именем закона в тех случаях, когда никакого повода для визита полиции нет.

– Констебль Вильк?! – Лицо его вытянулось от изумления и обиды, едва он увидел меня. – Но я же накрывал картину при вас! Вы что же, не верите мне на слово и явились проверить? Так извольте, вот, я прямо сейчас над ней работаю и спиной закрываю полотно от окна!

Он широко распахнул дверь, демонстрируя мольберт и ту специальную дощечку, где художники смешивают краски, – к сожалению, я не знаю, как она правильно называется. В левой руке О'Хара была зажата кисть, и именно ею он указывал на полотно.

– Мистер Доналл О'Хара? Я инспектор полиции Брендан О'Ларри, – оттеснил меня детектив. – И мы здесь совсем по иному делу: полиции требуется ваша помощь. Вы позволите мне войти?

– Д-да, заходите, господа, – растерялся художник. – Чем могу вам помочь?

– Мы, должен сказать, находимся в крайне затруднительном положении... Вы позволите полюбопытствовать? – Инспектор кивнул в сторону мольберта.

– Ради бога. А что произошло?

– Понимаете ли, какое деликатное дело, мистер О'Хара... Батюшки-светы, да это же вылитый констебль Вильк, ну как живой! – изумлённо воскликнул О'Ларри. – Недаром он вас рекомендовал!

Я украдкой покосился на картину. Само тело греческого бога из военного ведомства, натурщиком для которого уговорил меня побыть художник, было едва обозначено, однако голова, лицо были полностью готовы и, несомненно, изображали меня. Вот только шлем был какой-то как у кирасира: золотисто-бронзовый и с плюмажем.

– Прекрасно, просто прелесть! – продолжал восторгаться О'Ларри изображением. – Как назовёте полотно?

– «Афина и Арес у яблока раздора». Вы мне безбожно льстите, инспектор. – Юноша потупился и аж зарделся от комплиментов. Видно было, что слушать такое ему приятно – а кому неприятно, когда его хвалят? – Я, право, ещё только учусь рисованию.

– Должен со всей ответственностью заявить, что хорошо учитесь. И многое уже даже умеете, – серьёзно заверил его О'Ларри. – И это возвращает нас к цели моего визита. Дело в том, что мы, Третий полицейский участок Дубровлина, повторяю, находимся в крайне затруднительной ситуации. Наш штатный художник вышел в отставку, и, как назло, тут же приключилось преступление. А у нас, представьте только себе, некому зарисовать улики и фрагменты места происшествия. Общий план дагеротипическим аппаратом сейчас делают, но вот частности, детали зафиксировать невозможно. Как же прикажете преступление без этого раскрывать? Мы, полиция Дубровлина, просим вас оказать содействие следствию и выполнить все потребные зарисовки.

– Но, инспектор! – воскликнул О'Хара. – Это никак не возможно! Я и так запаздываю с исполнением курсового проекта, вот этой самой картины, которую пишу сейчас!

– Погодите, сэр, я что-то не понял, – с нажимом произнёс О’Ларри. – Вы что же, не патриот? Вы не хотите послужить делу правосудия, осуществляемого от имени и по поручению его величества короля Зелёного, Туманного и Лыдистого Эрина, эрла Хайленда, протектора колоний Винланда и Лемурии, императора Ниппона, Кеннела Второго Уи Нейла? Быть может, вы вовсе враг короны? Картину-то пишете с политическим душком: Арес ведь символизирует Североамериканские Штаты, а Афина – Южноамериканскую Конфедерацию, верно? И то, что империя Эрин поддерживает конфедератов, вам известно, не можете вы этого не знать. А что же вы? Имперского полисмена, констебля, который, кстати, мог бы и не быть так с вами мягок из-за правонарушения, на роль северян? Делаете полисмена символом врага? Тут уже политика проглядывает, сэр. Уж не всю ли нашу государственную систему вы поносить в своей картине собрались?

Честно говоря, я из этого спича мало что понял. Как я могу символизировать Федерацию Британских колоний в Америке, коли сам там никогда не был и не собираюсь? И какое отношение это имеет к устроенной ими войне с отвалившейся от них недавно Конфедерацией Британских колоний в Америке? Ясно одно: художник мне подложил большого поросё.

– Нет, сэр, быть этого не может! – продолжал меж тем О’Ларри. – Я верю, что вы настоящий ирландец и не опуститесь до такого! Так помогите же нам, слугам нашего императора и короля! Это займёт всего несколько часов, после чего вы сможете вернуться к написанию «Афины и Ареса у яблока раздора». Кроме того, это оплачиваемая работа, мистер О’Хара. Опять же, благодарственное письмо от полиции в вашу Художественную академию никак не может скверно сказаться на обучении, а вот положительно – очень даже может. Ну же, мистер О’Хара, решайтесь!

– Ох, ну хорошо. – Оглушённый напором инспектора парень затряс головой. – Там, я так понимаю, графика? Или что-то надо будет и в цвете?

...Во двор обители Святой Урсулы мы возвратились ещё до того, как мистер О’Кучкин закончил дагеротипию. Молодой О’Хара, как выяснилось, интересовался и этим методом получать изображения, вступив в малопонятный мне разговор с О’Кучкинсом. Что-то вроде:

– А отчего не использовать калотипический или амбротипический аппараты?

– Оттого, сэр, что металлическая пластина хотя и дороже, но она и прочнее. А бумажные калотипы и стеклянные амбротипы слишком подвержены случайной порче, что для полиции неприемлемо. Хотя, признаю, последние фиксируют картинку много-много быстрее.

Наконец мистер Бредли закрыл объектив крышкой и начал разбирать аппарат. Меня старший инспектор оставил при себе на случай, если придётся, как он выразился, «что-то ломать или отдирать», остальных же констеблей, закончивших прочёсывать двор, отправил обратно на участки.

– Итак, – произнёс мистер Ланиган, когда мы все четверо оказались внутри домика, – что же мы имеем? Пять леди, членов опекунского совета Института благородных девиц собрались у его директрисы попить чаю.

– С пирожными. – О’Ларри взял одно из них с подноса. – Хм, словно и не простояли столько времени на открытом воздухе, какие нежные. А запах... Хм, какой интересный запах...

Инспектор принялся, нахмурил брови и, решительно отделив верхний бисквит от нижнего, принялся внимательно изучать крем. Мистер Ланиган тоже взял пирожное и

последовал его примеру.

– Чёрт возьми!!! – ошарашенно воскликнул он.

– Да, сэр, – кивнул О’Ларри. – Так и есть. Опий-сырец.

В которой констебль Вильк всё ещё исполняет свои служебные обязанности, приносит вести, проливает свет на происхождение ниппонского кинжала (но благодарности за это не получает), а суперинтендент Канингхем заполучает на свой участок нового сотрудника, который немедленно просит его об одолжении

– Опий? Я так и думал, – сказал доктор Уоткинс, снял с переносицы пенсне в золочёной оправе и начал протирать его стёкла носовым платком. – Все симптомы указывали на отравление именно опиатами, хотя уверенности быть, разумеется, не могло. Премного вам благодарен, констебль, за доставленные известия.

– Это мой долг, сэр, – ответил я.

Разумеется, долг. И разумеется, мой. Не побежит же к доктору инспектор сообщать о том, чем именно отравили леди. Ему место преступления надо осматривать, проводить допросы, а на то, чтобы известить мистера Уоткинса, при нём констебль находится, когда посыльных мальчишек из сыновей полисменов нет.

– Теперь главное не давать им тёплого питья ближайшие несколько дней. И, само собой, алкоголь, – задумчиво произнёс доктор, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Слыхивал я о том, что некоторые любители этого зелья потребляют его с горячим чаем, как халву, но сталкиваться не приходилось, да... Скажите, констебль, а имена пострадавших уже известны? Мне надобно уведомить их родных о состоянии леди и месте их нахождения.

– Да, сэр, известны, их опознала сестра Евграфия, – ответил я, извлекая из нагрудного кармана свой блокнот. – С вашего позволения, инспектор О'Ларри поручил сообщить о судьбе несчастных их родне именно мне.

– Буду весьма вам благодарен, мистер Вильк, – кивнул доктор, продолжая тереть стёкла платком. – А вы не сообщите их имена и для меня?

– Это не положено... – Я даже и не знал, можно ли доктору в таком отказать. В конце концов, именно он оказывает помощь, вероятно, будет производить какие-то записи, делать отчёты, каковые, вполне возможно, затем будут затребованы в материалы дела. – Думаю, не произойдёт ничего страшного, если я скажу вам их имена, сэр. – Я открыл блокнот. – Первая. Мисс Элизабет Суонн, дочь губернатора Тринидада, выпускница Института благородных девиц позапрошлого года и член его попечительского совета, проживает на Розмари-Роуд, в доме номер 9. Вам записать?..

– Я запомню. – Мистер Уоткинс убрал платок в левый карман пиджака, пенсне же положил во внутренний. – У меня хорошая память. Будьте добры, продолжайте, констебль.

– Как вам будет угодно, сэр. Вторая, миссис Мэрион Конноли, леди Борзохолл, супруга эрла Борзохолла, секретарь попечительского совета и статс-дама её величества королевь-матери. Третья – миссис Кэтрин Куртц, баронесса Халадан, член попечительского совета, вдова, проживает на набережной Лип, дом 5. Четвёртая, мисс Ивни Африк, виконтесса Мойлург, казначей попечительского совета, фрейлина её величества. Пятая, миссис Кила Стюарт, вдова эрла Колмайна, мать и опекун юного эрла Оссиана Колмайна. Председатель попечительского совета института, сэр, проживает в своём загородном имении Колмайнхолл.

– Бог мой, констебль, вы ещё и в поместье отправитесь? – изумился доктор Уоткинс.

– Нет, сэр, я извещу лишь родню мисс Суонн и миссис Куртц. В Колмайнхолл отправят

посыльного на локомотиве, а ко двору, вероятно, вести доставит комиссар Дубровлина – инспектор Ланиган уже послал ему рапорт с констеблем Стойкаслом.

– В ближайшее время стоит ожидать нашествия придворных чинов, – иронично усмехнулся доктор. Кажется, это не казалось ему сколь-либо важным. – Скажите, констебль, а что, поиски отравителя ничего так и не дали?

– Увы, сэр. Судя по всему, негодяй покинул место преступления через калитку. Вместе с ним пропала и привратница, сестра Епифания.

– Хм, пропала? Не убита, не отравлена опиумом, а похищена или бежала?

– Похитить её было бы довольно трудно, сэр, – ответил я. – Сестра – дама весьма габаритная, если вы понимаете, о чём я. Дебелая. Не уверен, что похитить её без долгого сражения удалось бы даже мне, а я был чемпионом района по боксу, не считите за похвальбу.

– Ну, ей ведь могли подложить в еду всё того же опиума, констебль, – покровительственно улыбнулся мне мистер Уоткинс. – А затем незаметно загрузить в кеб и увезти.

– Сильно в этом сомневаюсь, сэр. – Я решительно отмел предположение доктора. – Сестра Епифания не любительница сладкого.

– Вы её знаете? – Доктор приподнял бровь.

– Немного, – кивнул я. – Меня часто ставят на дневные дежурства в районе обители Святой Урсулы. Сестра же Епифания нередко ходит на рынок по поручению матери настоятельницы, одна... Ходила по её поручению, прошу извинить. Она в обители чем-то вроде интенданта. Иногда я помогал ей донести корзины с продовольствием – хотя она и сильная женщина, но всё же женщина. Вот и сегодня, например, помог ей донести из порта какие-то книги и предметы в опечатанном мешке – передали с попутным кораблём из Ниппона.

– Даже так? А что именно передали, вы не знаете?

– Увы, нет, мешок, как я сказал, был опечатан. Сестра говорила о каких-то трактатах – кажется, богословском, о любви к ближнему, садоводческом, про пупсики...

– Возможно, про персики, констебль? – поправил меня доктор.

– Вполне может быть и так, мистер Уоткинс. Не знаю, что это – никогда их не пробовал.

– Нечто вроде жёлтой сливы, но гораздо крупнее и слаще, – просветил меня тот. – А что ещё прислали в обитель? Канонисса не поделилась с вами?

– Ещё что-то про минералы. Нефертит, или как-то так, сэр.

– Нефрит. – На губах доктора появилась ироническая улыбка. – И персики. «Персиковая ветвь», я верно полагаю?

– Истинно так, сэр, – подтвердил я. – Ещё, держу пари, кроме книг, в мешке были и какие-то коробочки. К сожалению, не могу сказать с чем, сэр.

– А печати на мешке вы не разглядели?

– Увы, нет.

– Что же, констебль, я вам весьма признателен за рассказ, – произнёс доктор и, вынув из кармана гроут, вручил его мне. – Это было весьма интересно и познавательно.

– Благодарю, сэр. – Я убрал монетку. – Что мне сообщить родственникам мисс Суонн и миссис Куртц об их состоянии?

– Скажите: небольшое и неопасное отравление, – серьёзно ответил доктор Уоткинс. – Ничего страшного, но рекомендован покой. Пусть отправляют экипажи с рессорами помягче и не лихачат на обратной дороге. Пожалуй, этого довольно.

– Тогда, сэр, не смею более отнимать вашего времени. – Я кивнул доктору на прощание

и уже сделал к выходу первый шаг, когда пирожки миссис Хобонен вновь напомнили о себе. – А кстати, мистер Уоткинс, что вы обычно рекомендуете своим пациентам от изжоги, если это не секрет?

– Чайную ложку столовой соды и стакан тёплой воды, констебль, – ответил тот, уже будучи погружён в какие-то свои размышления.

Я вновь кивнул доктору, приложив на этот раз два пальца к краю своего шлема, и поспешил покинуть кабинет, покуда тот не вспомнил, что одно обращение к доктору стоит никак не менее пяти шиллингов, и не потребовал оплаты за рецепт.

Его экономка, миссис Кристи, ранее сопроводившая меня от входной двери к доктору, препроводила меня и обратно. Может, боялась, что я стяну что-то? Обидно, но могу понять престарелую леди: живёт мистер Уоткинс отнюдь не бедно, а даже полицейский констебль – лишь человек и может поддаваться искушению.

От дома доктора я поспешил на Розмари-Роуд, к особняку мистера Суонн, где нынче проживала лишь его дочь. На стук в дверь почти минуту никто не отзывался, но наконец обе её створки распахнулись и передо мной появился дворецкий – мужчина в летах, с бакенбардами и таким выражением превосходства на холёном лице, что, прости меня святая Бригита, немедля захотелось двинуть ему по физиономии.

– Добрый день, констебль, – произнёс он тоном, который явно подразумевал слова «какого чёрта вам тут понадобилось, милейший?». – Чем могу быть вам полезен?

– Полиция Дубровлина, констебль Айвен Вильк, Третий участок, – со всей возможной официальностью в голосе отрекомендовался я. Какого дьявола? Я тут представляю корону, а он лишь слуга её представителя, значит, ниже меня! – С кем я могу поговорить из хозяев?

– Боюсь, что ни с кем. – Спеси в голосе этого мерзавца не поубавилось. – Губернатор Суонн на Тринидаде, мисс Суонн отсутствует. Домоуправлением занимаюсь я.

– В таком случае могу рекомендовать вам немедленно заложить экипаж с мягкими рессорами и посадить на козлы самого аккуратного из кучеров, – с затаённым злорадством ответил я. – У мисс Суонн лёгкое отравление, она сейчас находится на улице Архитектора Бейкера, дом номер 2216, у доктора Уоткинса.

– Бог мой, что случилось?! – Было приятно наблюдать, как маска надменности на лице этого хлыща сменяется выражением искреннего ужаса (за своё положение, я полагаю). – Она?..

– Вне опасности, насколько я понял. Как я уже сказал, небольшое отравление, и её жизни, по словам доктора, ничего не грозит. – Да, такие утешения встревожат его лишь сильнее, я уверен. – Ей оказана помощь, полиция ведёт расследование. Большого сказать не имею права, прошу извинить.

Я приложил два пальца к шлему, салютуя, развернулся и ушёл, внутренне, хотя это и недостойно доброго католика, радуясь переживаниям этого спесивого наглеца. Пусть поволнуется за свой доход, ему это на пользу пойдёт.

В доме миссис Куртц, скромном, но буквально утопающем в кустах шиповника (бутоны лишь набухли, чуть раскрылись, но это уже производило неизгладимое впечатление – какая же будет красота, когда они наконец зацветут в полную силу!), меня, напротив, встретили со всей приязнью. Молодой, моих лет, джентльмен, представившийся личным секретарём баронессы, Коннор Маклеод вначале пригласил меня в холл, предложил виски (я отказался), с искренним беспокойством выслушал новости... и как же душевно он проявил своё облегчение, когда понял, что его патронессе ничего не грозит!..

Ну что же, леди она довольно молодая, много если за тридцать, так что, может, и не только по долгу службы, но и из искренней любви к ней приязнь ночами проявляет. А может стать, даже и без того обходится. Знал я подобные случаи.

Взять вот хоть приятеля моего из Британии. Хозяин наш, когда я молотобойцем работал, всю смену на свой новый тамошний завод отправил раз, показать, значит, как это – работать по-ирландски. Ну и научить этому заодно.

Так сдружился я тогда в Лондоне с одним французом, Паспарту. Добрый малый и подражаться не дурак. Только нам уезжать, а он заявляется в цех да сияет весь. Увольняюсь, мол, меня аж за 15 фунтов в год один джентльмен нанял, некий сэр Филеас. Да, тот самый рекордсмен, про него в прошлом году во всех газетах писали, как он в срок 80 дней весь земной шар обогнул.

Так прислал мне после той поездки Паспарту письмо. Хвастался, конечно, и путешествием, но в первую очередь тем, что поколотил британского сыщика, который его хозяину решил вредить. Фикс, кажется, тот прозывался.

Вот что ему, француз, казалось бы, зачем на блюстителя порядка буром попёр? Ан нет! Порядочность и чувство долга. Хороший и добрый хозяин оказался этот мистер Фогг, Паспарту его как уж превозносит... Писал, неймётся ему только всё. Списывается постоянно с североамериканцами, хочет полёт на Луну из пушки устроить, да ещё и с каким-то профессором Челенджером в Африку планирует ехать, непонятно, каких дивных завров искать. А уж что такое эта его, сэра Филеаса, за задумка с локобилем времени – это и сам Паспарту не уразумел. Хоть и нахваливал.

Маклеода я, как мог, успокоил, даже сказал, чем отравлена была его баронесса, хоть и не положено, да и пенни, что он мне совал, не стал брать. Совестно. Знаю я их секретарские жалованья – хорошо, если шестеро против моего получает, а одеваться надо соответственно статусу да за свой счёт, мне же форма от казны положена. Попросил только разрешения вечером зайти да несколько уже распустившихся веток шиповника сорвать – мне для моей Мэри надо. Мы вечерком с ней на прогулку собрались.

Он тут же садовника вызвал да строго тому наказал букет по всем правилам для меня к вечеру составить. Добрый малый, что ещё сказать?

А с набережной Лип я уж обратно, в Святую Урсулу поспешил. Доложиться старшему инспектору, да и вообще, проверить порядок и спокойствие. Такая наша, констеблей, служба: если требуется, и монахинь будем утешать. Лишь бы не голосили на весь город.

К моему возвращению с осмотром и допросами инспекторы уже почти полностью управились, собираясь вскорости отбыть. Проследовав в кабинет покойной матери настоятельницы, где они расположились, я коротко доложил об исполнении их поручения.

– Прекрасно, констебль, просто прекрасно, – пробормотал старший инспектор в ответ, рассматривая зарисовки с места событий.

Листов с ними набралась немалая стопка, и теперь он разглядывал одну бумагу за другой. Мистер О’Хара нетерпеливо топтался рядом.

– А вот это очень, просто исключительно похоже вышло, – сказал Ланиган, поднося для сравнения к листу бумаги длинный, в половину локтя, изогнутый нож с овальным «блинчиком» на месте перекрестья и с чрезмерно вытянутой, для ножа, рукоятью. Лезвие его хранило следы запёкшейся, скверно отёртой крови. – Каждая каверна металла на оружии убийства вырисована, можем, хе-хе, даже потерять, и ничего страшного. Что скажете, Брендан?

– Ниппонский кинжал вакидзася, по тамошней классификации, так даже и меч. – Инспектор О’Ларри оторвался от какого-то похожего на гроссбух фолианта, который до этого без видимого интереса пролистывал. – Аристократическое оружие, сэр, что-то вроде европейской рыцарской мизерикордии. Ножны, что мы нашли, и рукоять довольно богатые и, очевидно, изготовлены недавно, а вот сам клинок, хм... Судя по качеству металла, железо тогда, при его изготовлении, в стране Ямато только научились выплавлять, дрянь оно, прямо скажем, железо-то, никак не оружейное. Потому я склонен сделать вывод, что вещь эта весьма и весьма древняя, почтенного, так сказать, возраста. Вероятно, реликвия какого-то из ниппонских дворянских родов.

– Ну что же, инспектор, блестяще, – кивнул мистер Ланиган. – Я, строго говоря, пришёл к тем же выводам и даже несколько развил их. На острове не так уж много ниппонских аристократов, особенно из их старинных родов, у кого могла бы быть подобная вещица, не находите?

– Совершенно согласен с вами, сэр, – ответил инспектор.

– И что же из этого следует, дорогой Брендан? – спросил Ланиган и сам же на свой вопрос ответил: – А следует из этого то, что достаточно показать паре-тройке господ ниппонцев из света наше орудие убийства, и мы точно выясним, чья это вещь. Ну а там можно уже и брать под арест владельца, мотив и подробности убийства уточнять. А? Каково? Похоже, что за пару дней раскроем это таинственное дело! Констебль, а что вы так внимательно смотрите на эту вакидзасю, а? Никогда не видали таких ножей?

– Нет, сэр, в смысле – видал, и не раз, сэр. – Очень не хотелось говорить старшему инспектору правду, но, судя по всему, придётся.

– Вот как? – развеселился мистер Ланиган. – Вы что же это, ниппонец и самурай?

– Нет, сэр, не ниппонец, сэр, и не самурай, сэр. Но выдывать приходилось несколько раз.

– Знакомство с художниками и монахинями, теперь ещё и с коллекционным оружием... Да вы полны сюрпризов, мистер Вильк, – хохотнул старший инспектор. – Быть может, и конкретно с этим предметом вам приходилось сталкиваться?

– Вполне допускаю такую возможность, сэр, – кивнул я. – Если позволите взглянуть, сэр?..

– А извольте! – Мистер Ланиган протянул кинжал рукоятью вперёд, с интересом глядя на меня. – Было бы очень удачно, если бы вы его опознали. Это сэкономило бы нам кучу времени.

– При всём моём уважении, сэр, это очень вряд ли. – Я принял вакидзасю и пригляделся к лезвию. – Даже, сэр, скажу вам, с точностью до наоборот, сэр.

– Что вы имеете в виду, констебль? – нахмурился старший инспектор, чьё хорошее настроение от моих слов стало стремительно улетучиваться.

– О, ничего такого, сэр, прошу меня извинить. Этот кинжал, он, видите ли, сэр, как совершенно верно заметили вы с мистером О’Ларри, сделан не из оружейной стали, сэр. Он, строго говоря, если и бывал в Ниппоне, то только в качестве обшивки. Это корабельное железо, сэр, которое идёт на защиту днища и корпуса. Не на броненосцы, а на «купцы», я имею в виду, сэр. Мне приходилось с таким сталкиваться, когда я работал на фабрике мистера Стойка молотобойцем.

– Это что же, мистер Стойк, получается, делает поддельные ниппонские кинжалы? – изумился инспектор О’Ларри. – Но, чёрт побери, зачем?

– О нет, сэр! Сам мистер Стойк не в курсе подобного! – воскликнул я. – Но иногда от

производства остаются небольшие куски металла, которые негде применить. На фабриках, как правило, их разрешают забрать любому мастеровому, кому надобно, на мелкие хозяйственные нужды. Нож себе там кухонный выточить или что-то подобное, сэр.

— И вы считаете, что некто изготовил из такого вот огрызка вакидзасю? — мрачно поинтересовался мистер Ланиган. — И к чему рабочему ниппонский нож?

— Рабочему совершенно он не нужен низачем, сэр, — ответил я. — Но есть такое у некоторых мещан. Дешёвые подделки под заморские вещицы собирают, а затем приятелям да соседям пыль в глаза пускают, вот-де, я-то да побогаче иных прочих стану, у меня и трактаты тибетские есть, и статуэтки чайнские, и оружие ниппонское да индусское водится. Всё одно же они, прошу меня извинить, ни бельмеса в подлинниках не смыслят, а показать, что и им увлечения высших кругов не чужды, хочется. Вот и покупают такие вот, сэр, эрзацы. И не по бедности зачастую — могли бы и подлинники себе позволять, — но из прижимистости и экономии. Вот тут, к слову, рукоять из рога королевского оленя, недешёвая штучка, а лезвие дрянь.

— Да-да, мне приходилось о подобном слышать, — подтвердил мои слова мистер О'Хара.

— Прелестно, господа. — Старший инспектор уже напоминал своим видом грозовую тучу. — Констебль Вильк только что развалил самую правдоподобную версию из всех возможных. Что же, может, теперь он соизволит нам и мастера, этот кинжал изготовившего, назвать?

— Пожалуй, что назову, мистер Ланиган, сэр, — вздохнул я. Эх, ну почему меня дедушка приучил таким правдолюбцем быть, почто за каждую лжу порол? — Этот кинжал изготовил, с вашего позволения, я. Года два тому уже как.

В кабинете матери настоятельница на несколько долгих секунд повисла мёртвая тишина.

— И вы, возможно, помните, кто у вас его приобрёл? — наконец спросил меня мистер О'Ларри.

— Боюсь, что нет, сэр. Такие поделки я всегда продавал через скобяную лавку мистера Пукса. Он держит дело на рынке, что на Хитроу-Плёс.

— Так-так. — Старший инспектор в раздражении побарабанил пальцами по столешнице, поднялся из кресла, ранее принадлежавшего матери Лукреции, и, заложив руки за спину, прошёлся по кабинету. — И как вы считаете, констебль, есть шанс, что этот Пуке теперь, два года спустя, вспомнит о том, кому он продал вашу вакидзасю?

— Маловероятно, сэр. Он и сейчас их порой сбывает, а тогда на ниппонское оружие целая мода была.

— Да-да, была, помню... — пробормотал он. — Что же, мистер О'Ларри, этого Пукса мы и завтра допросить можем. Сейчас давайте посетим доктора Уоткинса — как ни печально это признавать, дело и впрямь запутанное, и его мнение будет не лишним, — а мистера Вилька попросим сопроводить мистера О'Хара в участок, дабы с ним рассчитались за проделанную, блестяще причём, замечу, работу. Я напишу записку нашему суперинтенденту.

Художник вновь зарделся от похвалы.

По дороге мы с ним разговорились — всё не давали мне покоя слова инспектора О'Ларри о том, что я английские колонии символизирую. Мистер О'Хара вкратце рассказал мне о том, из-за чего воюют протектораты нашего немирного соседа: оказалось, что северяне хотят освободить рабов из африканцев, что за века навезли в Америку британские и испанские купчики, а южане упёрлись и давать волю им ни в какую не желают, через что меж ними

нынче смертоубийство идёт. Сказывал, что вся прогрессивная общественность за свободу для бедняг негров, которые целыми днями трудятся на плантациях (ха, это он у нас, в ирландских фабричных цехах зимой не был!), но что дело тут политическое, и уж коли метрополия встала на сторону северян, то недругам Великобритании сам Бог велел поддержать их врагов, какими бы они мерзкими ни были. Заодно о древней той войне, по которой он картину рисует, рассказал, и весьма интересно – стихами даже порой, да странными такими, гекзаметр называются.

Презанятная там вышла история, доложу вам, столько лет воевали, и все из-за одной-единственной женщины. Непременно перескажу своей красавице Мэри, ей интересно послушать будет про древнегреческих Ши, коих они, греки, в безбожном язычестве прозябая, за небожителей почитали. Ну и про то, как ту многолетнюю осаду закончить удалось тоже: это же как у нас, в полиции, почти выходит, когда злчное какое местечко надо накрыть. Сначала внедряют внутрь банды своего человека, а он в нужное время в притон дверцу и откроет. Так и у греков, с их деревянным конём, вышло, почитай. В общем, послушал я, да и не в претензиях на художника остался. Мало ли что там О’Ларри привиделось на той картинке? А греческий бог из военного ведомства – это как по мне, так никак не ниже майора.

Потом мистер О’Хара мне ещё про бегство троянцев в Италию начал рассказывать, да закончить не успел – прибыли мы на место. Входим в участок, а там на месте дежурного констебля сержант Сёкли, и лицо у него ой недоброе.

– Вильк, – шипит, – быстро к суперинтенденту, доложишь о происшествии. У него там комиссар Чертилл, оба новостей ждут.

– Мне, шкипер, – отвечаю я без волнения, – аккурат к мистеру Канингхему и надобно. Инспектор Ланиган вот записку ему передать приказал, чтобы мистеру О’Хара за его художества заплатили.

– Сам-то он где?

– К доктору Уоткинсу, вместе с инспектором О’Ларри, отправился. – Я пожал плечами.

– К Уоткинсу, говоришь? – Сержант нахмурился ещё сильнее. – Знаю я такого. Какой он доктор, это бог весть, меня не пользовал, а вот сыщик он получше всех наших инспекторов, вместе взятых. И скажу я тебе, Айвен, если он этим дельцем заинтересовался, то раскроет непременно. Только нам, констеблям, беготни от этого ой и прибавится...

– Как так, сержант? – удивился мистер О’Хара. – Доктор – и сыщик?

– Хобби, сэр, – пожал плечами Секли. – Или призвание, быть может. Констебль Вильк, вас долго целый герцог будет дожидаться? Идите уже.

Это он про нашего комиссара Чертилла. Не могут же столичную полицию незнамо кому доверить, верно? Вот и поставили отставного военного моряка во главу, члена палаты эрлов, герцога Данхилла. У этого, прямо скажем, не забалуешь, но и за своих он стоит крепко. Враз газетёнки и крикунов, что поносными словами полицию поливали почём зря, прижал да долги по довольствию погасил моментально.

– Простите, серж, уже бегу, – козырнул я. – Идёмте, мистер О’Хара. Вас комиссару с суперинтендентом тоже будет послушать интересно. Вы же на месте преступления подольше моего были. Покуда я по городу-то бегал...

– Это точно, – кивнул сержант Сёкли.

В кабинете нашего суперинтендента, Старика, как мы его за глаза называем, было жутко накурено. Сам-то мистер Канингхем табаком не злоупотребляет, так, пару-тройку трубок за

день разве что набьёт, а вот сэр Уинстон, тот с сигарой и не расстаётся почти – его на карикатурах даже в виде неё изображают.

– Констебль Вильк по вашему приказу явился! – доложил я, после того как на мой стук последовало разрешение входить.

Перед тем как стучать я, разумеется, одёрнул форму и поправил шлем.

– А, Айвен, входите, мой мальчик, – обратился ко мне стоящий у окна суперинтендент, человек пожилой и долговязый, и обернулся к пухлому коротышке в кресле: – Вот, сэр Уинстон, именно этот богатырь и обнаружил первым место происшествия. Э, констебль, а кто это с вами?

– Осмелюсь доложить, это мистер Доналл О’Хара, художник. Старший инспектор Ланиган просил сопроводить его к вам, сэр, и передать записку. Вот. – Я протянул сложенный вдвое листок.

– Давайте уж мне. Не возражаете, сэр Эндрю? Прелестно, – пробасил мистер Чертилл. – А вы, юноша, входите, не стесняйтесь.

Герцог развернул послание (суперинтендент подошёл к нему и прочитал письмо, заглядывая сэру Уинстону через плечо) и быстро пробежал его глазами.

– Ага. – Комиссар удовлетворённо кивнул и передал бумагу сэру Эндрю. – Всегда был наилучшего мнения о ваших подчинённых, мистер Канингхем, что при таком-то начальнике не сложно. Значит, старый лис Ланиган даже в отсутствие при участке штатного художника смог извернуться? Похвально, похвально. Знаете, давайте не будем утомлять юношу этой канцелярской беготнёй? Пусть, право, напишет расписку, а деньги я ему выдам сам, прямо тут и сейчас. И знаете что ещё, сэр Эндрю?

Герцог полез в карман и извлёк из него несколько монет.

– Что же, сэр Уинстон? – Старик вопросительно изогнул бровь.

– Вы обратили внимание на совет Ланигана? – Комиссар быстро отсчитал своими толстыми, коротенькими, напоминающими сардельки пальцами пять шиллингов и положил их на столешницу, остальные же монеты ссыпал обратно в карман. – Мистер О’Хара, я вас попрошу... Присядьте вон там, у письменных принадлежностей, и напишите расписку, что получили от меня крону за выполненную для полиции Дубровлина работу. Деньги – вот. Так что скажете, сэр Эндрю? Я полагаю это наилучшим выходом.

– Склонен согласиться с вами, – кивнул суперинтендент. – Но согласится ли он сам?

– А мы уговорим! – Мистер Чертилл хрипло хохотнул и извлёк из внутреннего кармана щипчики и сигару. – Мистер О’Хара, что бы вы сказали, если бы получили от полиции Дубровлина предложение поступить на службу в должности художника криминальных расследований Третьего участка, а?

– Кто? Я?! – Парень вскочил со стула как ужаленный и поставил на листе, где писал расписку, здоровенную кляксу. – Но, ваше эрлство, я ещё только студент!

– Ну и прекрасно, – флегматично произнёс мистер Канингхем. – Значит, у вас взгляд ещё свеж и не скован косными догмами, вы будете рисовать так, как оно есть, а не дабы оно вышло покрасивее.

– Вот именно, – подтвердил герцог Данхилл. – К тому же подумайте о том разнообразии сюжетов, которые вы сможете написать. Это же настоящую славу можно обрести, мировую, не побоюсь этого слова, известность, чего на амурах и зефирах не достичь.

– Простите... – Юный художник был само недоумение. – Я не совсем...

– Стыдитесь, мистер О’Хара! – воскликнул комиссар и воздел незажжённую сигару

вверх, словно указующий перст. – Как вы можете такого не помнить? С чего началась истинная слава ван Рейна? Да с того, что он нарисовал то, как проводят вскрытие покойника!^[2] А у вас в качестве натурщиков выступают все криминальные преступления Дубровлина! Истинный художник может о подобном шансе лишь мечтать, а мы вам его предоставляем!

– Чёрт возьми, а ведь и впрямь... Я ещё во время осмотра инспекторами и констеблем места убийства прикидывал, какая выходит шикарная композиция... – Он закусил губу и отчаянно замотал головой, словно отгоняя наваждение. – Вы просто змей-искуситель, эрл Данхилл, но как я совмещу службу с учёбой? Надо мной и так висит угроза отчисления из-за того, что я курсовой проект никак не закончу, сэр!

– Да это и вовсе проще простого, – дружелюбно усмехнулся комиссар, откусывая щипчиками кончик сигары. – Я напишу письмо вашему ректору, и он, я убеждён, войдёт в ваше положение. Как же ему не дать вам отсрочку, коли вы исполняете государственные поручения?

– И ваша служба в полиции навсегда заткнёт фонтан красноречия мисс Бурил, – негромко заметил я.

– Хм, верно. Не имею чести знать, кто эта почтенная дама, но склонен согласиться с констеблем. – Мистер Чертилл прикурил сигару от спички и сквозь клубы дыма выжидающе, с хитрым прищуром уставился на Доналла О'Хара.

– Ах, да гори оно всё огнём! – воскликнул художник. – Почему и нет? Я согласен! Но у меня будет просьба выдать сегодняшний дагеротип из обители Святой Урсулы мне для пользования. Я нарисую полотно «Осмотр места происшествия»!

– Прекрасно, – произнёс сэр Эндрю. – Дагеротип вам выдадут. Но, кроме расписки, прошу вас написать и заявление на имя сэра Уинстона, он, раз уж здесь, сразу и завизирует. Жалованье, правда, всего четыре флорина в день, но через год вам можно будет повысить классный чин и жалованье до двух соответственно крон. А куда вы пишите, констебль Вильк вкратце введёт нас с господином комиссаром в курс дела по сегодняшнему происшествию.

Вновь мне пришлось излагать своё приключение, и вновь меня слушали с полным вниманием, задавая только уточняющие вопросы. Лишь когда речь зашла о появлении доктора Уоткинса, эрл Данхилл остановил меня жестом и, откинувшись на спинку кресла, поглядел на мистера Канингхема.

– Тот самый? Который раскрыл убийство в деле о пёстрой ленте и расшифровал знаки пляшущих лепреконов, сэр Эндрю? – уточнил он.

– Совершенно верно, сэр Уинстон, – подтвердил суперинтендент.

– Хорошо, – кивнул эрл. – Но скверно. Продолжайте, констебль.

Впрочем, продолжать мне было особо и нечего. Я быстро поведал о последовавших событиях, удостоился похвалы и был отпущен. Уже через закрытую дверь до меня донёсся голос мистера Чертилла:

– Что ж, мистер О'Хара, через час меня ожидают с докладом его величество и премьер, так что если вам есть что добавить к словам констебля...

Подслушивать я не стал. Не моя это работа – раскрывать преступления, а свою службу я сегодня уже исполнил.

Спустившись в общий зал, я заполнил свой журнал дежурства, сдал его по смене, выслушал напоминание сержанта о том, что завтра мне дежурить по участку, и отбыл домой,

в полицейское общежитие, в котором корона мне, как полисмену, предоставляла бесплатную комнату. Ещё полагался кусочек придомового участка для выращивания продуктов и сарайчик для разведения кур или кроликов, но их я, за малую плату, уступил своим соседям, чете Донованов. Им с их-то тремя карапузами эта вся свежатинка нужнее, а я лишний фартинг надёжнее собственными руками в свободное время сшибить смогу. Кастрюльку там запаять, гвоздей из толстого прутка нарубить и заточить, чего по мелочи.

А ещё у меня есть увлечение – механические шуковинки с тонким механизмом. Делать у меня их, конечно, не получается, чинить пока тоже не особо успешно выходит, но я стараюсь. Сейчас вот перекушу после службы и полчаса уделю ремонту напольных часов с боем. Ходить они у меня уже ходят, пускай и недолго, но вот врут при этом совершенно безбожно. Ничего, я настойчивый и починю их всенепременно! Рано или поздно.

В которой повествуется о том, что настоящий констебль всегда на посту, даже во внеслужебное время, а также о том, как задержание пьяницы может пролить свет на обстоятельства загадочного убийства

Хорошо это, вот так вот, ранним майским вечерком, когда солнце уже закатилось и небо налилось темнотой, сохранив, впрочем, остатки дневной синевы, а лёгкий сумрак не превратился в непроглядную тьму, когда зажглись, подобно волшебным огням Ши над холмами, газовые фонари, когда дневная суeta города улеглась, но улицы и площади не стали безлюдными окончательно, когда пыльные рабочие одежды прохожих сменились на более нарядные, вечерние, костюмы и платья, – хорошо это, совершить в такое время прогулку с любимой девушкой под руку. Пройтись по набережной эдаким гоголем-щёголем в новеньком, почти неношеном костюме, подобно многим парочкам, поболтать с милой подругой сердца, крепко прижимающейся к тебе, сорвать украдкой поцелуй с её губ, покуда не видит никто, полюбоваться видами да построить планы на будущее. И пофорсить, конечно, – гляньте все, какая у меня невеста красавица! Поглядите, какая нарядная, да справная, да какой букет я ей подарил роскошный!

Маклеод слово своё сдержал, и цветы, увязанные голубой лентой из шёлка, после окончания дежурства были для меня уже готовы. Сам мистер Коннор, правда, был занят, ну так и мне было не до него – меня Мэри дожидалась. Ух как она взвизгнула восторженно, когда я ей букет преподнёс, ох как глаза заблестели! Вот ради таких-то, доложу вам, моментов жить и стоит.

Попеняла она мне, правда, что дорого это и зря я её так балую, ну да это не от сердца было.

И пошли мы с моей разлюбезной на променады, сладостей я ей купил, поворковали, опять же – всё как у людей. Я её потом до дома сопровождал – она горничной у соседки мистера Крагга служит, и та, старая ведьма, поздно ей возвращаться не велит. Поцеловал на прощание – как же без этого? Да и полетел домой окрылённый.

– Деньгу гони, дура! – донёсся до меня голос из подворотни, когда я уже почти был на месте. – Быстро, а то кровь пушу!

– Прошу вас, только не убивайте, я всё отдам! – ответил жалкий, трясущийся голос.

Ну вот. Всё настроение испортили. Мало мне службы, так я и свободное время на всяких жуликов тратить должен? Эх, а делать нечего – в форме я или нет, но всё ж таки констебль.

– Стоять, бояться, полиция! – гаркнул я, вбежав в подворотню, и тут же чуть не получил в брюхо несколько дюймов стали.

Мозгьяк какой-то, вот слов нет на него, респектабельного старичка в уголке зажал да ножичком перед его лицом поигрывал, а как увидал меня, так и набросился, словно цепной пёс. Огорчил он меня, крепко расстроил таким своим поведением. Я аж с правой его встретил, а не с левой. Ну и кто теперь виноват, что у него челюсть в трёх местах поломана?

Потом, конечно, по третьей форме сигнал свистка подал, дождался телепений с Четвёртого участка, сдал им на руки потерпевшего и супостата да и домой пошёл. Рапорт и завтра написать можно.

Ну и не выспался, конечно – не один же миг это всё заняло. Так что с утра, заступая на

дежурство в участке, был я хмур и весьма зол.

– Твой вчерашний заарестованный в себя пришёл, инспектора требует, – сообщил мне ночной дежурный.

– Хм? Который? – Я не сразу вспомнил, что вчера поместил к бродягам пьянчужку. – Та пьянь, которую сдал мне Стойкасл? Он что же, намерен жаловаться?

– Я-то почём знаю? – зевнул констебль. – Говорит, хочет сообщить о преступлении, что отравили его якобы.

– Все бы так травились, вином да вискариком, – хмыкнул я.

– А ты знаешь... А ведь от него пожалуй что и не несёт.

– А и верно, когда я его сюда волок, тоже запаха не чувствовал. Вот чудно. – Я покачал головой. – Ну, иди отсыпайся, посмотрю я, кто его там несвежим пивом травил.

Заняв место за конторкой дежурного и расписавшись в журнале приёма смены, я попросил одного из констеблей доставить вчерашнего напившегося джентльмена. Пару минут спустя тот уже стоял предо мной, и вид у него был при этом совсем неважнецкий. Впрочем, несмотря на изрядную, после ночёвки в камере, помятость, оказался он весьма энергичен.

– Констебль, я хотел бы сделать заявление о преступлении! – с порога заявил он, так и не дав произнести заготовленную укоризненную фразу: «Что же вы вчера так напились-то, мистер?»

– Понимаю. – Я кивнул ему на стул. – Но никак не могу оформить вам явку с повинной. Вот, извольте ли видеть, рапорт констебля Стойкасла... – Я положил на столешницу исписанный корявым почерком лист бумаги. – А вот, извольте видеть, журнал обхода, по которому он вас мне передал. – Я выложил ещё и раскрытый журнал обхода, после чего повернул к нему журнал дежурства по участку. – И вот, видите ли, отметка о вашем задержании с описью бывшего при вас имущества. Вы проверьте, ничего ли не пропало? – С последними словами я высыпал его барахлишко из льняного мешочка.

Задержанный рассеяннo оглядел свои вещи, быстренько глянул на монеты и ассигнации в кошельке и отрицательно покачал головой:

– Нет, констебль, всё в полном порядке. Только я хотел сказать не о...

– Давайте-ка по порядку, мистер. – Я придвинул к себе лист чистой бумаги и обмакнул в чернильницу перо. – Как вас зовут, каков ваш род занятий?

– Э-э-э... – слегка растерялся тот. – Фемистокл Адвокат, репортёр «Светского хроникёра». Но послушайте же, констебль!..

– У вас ранее были приводы в полицию, сэр? – Я не дал себя сбить, заполняя протокол.

– Что?! – возмущённо задохнулся газетчик. – Да никогда в жизни!

– Это очень похвально, мистер Адвокат. На первый раз выношу вам предупреждение и можете быть свободны, но в случае повторения nepотpeбствa мы будем вынуждены доставить вас к мировому судье и сообщить о вашем неподобающем поведении в редакцию. – Я тяжёлым взглядом посмотрел на него и всё же не сдержался от использования заготовки: – Что же вы так вчера-то назююкались, сэр?

– Да я вам об этом уже битый час тут толкую, констебль! – взъярился тот. – Меня отравили! И не меня одного! Мы пили чай, когда я это почувствовал, а леди стали без чувств падать! Да я!..

– По порядку, сэр, – прервал его я. – Где пили, что пили, с кем пили, в каком заведении?

– Заведении? Ха! А это забавно! – воскликнул репортёр. – Непременно надо довести до

ушей матери Лукреции, как вы назвали её обитель! Думаю, она будет долго смеяться.

– Стоп. – Я попытался собрать в кучку разбежавшиеся мысли. – Вы, мистер Адвокат, утверждаете, что вчера пили чай в монастыре Святой Урсулы и вас там отравили?

– Совершенно верно, констебль, именно так всё и было. Кстати, нельзя ли мне что-то и сейчас попить? Я просто умираю от жажды.

– Только не горячего... – пробормотал я себе под нос, припомнив слова доктора Уоткинса. – Парни, инспекторы Ланиган или О'Ларри в участке?

– Нет, ещё не были, – отозвался один из констеблей, готовящийся к началу обхода. – А что?

– Ничего. – Я поманил к себе посыльного: – Робби, быстро беги домой к мистеру Ланигану и скажи, что у нас есть свидетель по делу о вчерашнем убийстве.

– Убийстве? – изумился газетчик. – Каком убийстве?!

– Убийстве до смерти, сэр. – Я налил в стакан воды и протянул ему. – Прошу вас дождаться инспектора, я не имею полномочий что-то вам объяснять.

– Я что же, в чём-то подозреваюсь? – возмутился репортёр.

– Это решать будут инспектор и суперинтендент. Последнему я сейчас же о вас доложу. Прошу вас не покидать зал приёма до тех пор, покуда я не вернусь. Парни, проследите.

Оставив мистера Адвоката в весьма расстроенных чувствах, я поднялся в кабинет сэра Эндрю и доложил ему о случившемся. Суперинтендент аж прищёлкнул пальцами и просветлел лицом.

– Славно, славно, мой мальчик, – произнёс он. – Это ведь именно ты его вчера задержал?

– Нет, сэр. Его задержал на границе наших участков констебль Стойкасл.

– Что ж, значит, шиллинг премии достанется ему. Ты уже отправил за Ланиганом?

– Да, сэр, – кивнул я. – С вашего позволения, я бы отправил посыльного и за доктором Уоткинсом – он осматривал остальных пострадавших.

– Уоткинсом? – Суперинтендент ненадолго задумался. – А что же, здравая идея. Но доставил этого писаку в участок ты?

– Да, сэр.

– Тогда вам обоим по шиллингу к жалованью, хотя тебе больше за находчивость. И главное, мой мальчик, – направь человека к эрлу Чертиллу. А мистера Адвоката проводи пока обратно в камеру. Мы с инспекторами и доктором скоро им займёмся.

Мистер Канингхем ничуть не сомневался, в отличие от меня, что доктор Уоткинс прибудет в участок – к чему бы ему это, вряд ли мистер Адвокат ему заплатит хоть фартинг, – однако и оказался абсолютно прав: кеб доктора и кеб инспектора Ланигана прибыли к подъезду одновременно.

Джентльмены вместе с прибывшим на службу буквально за минуту до них инспектором О'Ларри поднялись в кабинет суперинтендента, и через пару минут я получил распоряжение доставить туда мистера Адвоката.

– Прошу вас следовать за мной, сэр, – сказал я, открывая камеру (на этот раз я поместил его в относительно комфортабельную одиночку).

– Это какое-то невообразимое недоразумение! – всплеснул руками он. – Мне кажется, я сплю и это не со мной происходит!

– Убеждён, что господа инспекторы во всём разберутся, сэр.

– Да, конечно, да, разберутся... – Он нервически хихикнул, но тут же взял себя в руки. –

Что же, ведите меня, констебль, раз уж это столь неизбежно.

Сопроводив его до кабинета начальника участка, я постучал в дверь и, получив разрешение войти, доложил, что задержанный мистер Ф. Адвокат доставлен. Сэр Эндрю распорядился ввести арестанта, что я и исполнил.

– Господа, вы не возражаете, если я его для начала осмотрю? – спросил доктор Уоткинс.

– Простите, что вы имеете в виду, сэр? – немедленноотреагировал газетчик. – На какой это предмет вы намереваетесь меня осматривать?

– Ну вы же сами утверждали, что вас отравили, – заметил инспектор Ланиган. – А мистер Уоткинс – доктор медицины, он просто проверит ваше состояние.

– Ах, вы в этом смысле... – облегчённо выдохнул репортёр. – Да, разумеется, это будет с вашей стороны весьма любезно.

– В таком случае прошу вас сесть в это кресло... Господа, мне не будет мешать, если вы будете задавать вопросы во время осмотра.

Обо мне, казалось, все забыли, сам же я не счёл возможным спрашивать о том, необходимо ли всё ещё здесь моё присутствие. Начальству виднее, когда констеблей отпускать из своего кабинета.

– Прекрасно, доктор, просто прекрасно! – Инспектор Ланиган прошёлся по кабинету. – Итак, мистер Адвокат, вы вчера присутствовали на чаепитии у настоятельницы Святой Урсулы, матери Лукреции?

– Совершенно верно, мистер... Простите, не имею чести вас знать.

– Я – инспектор Ланиган, это – инспектор О’Ларри. Расскажите нам по порядку, с самого начала, как вы там оказались и что же в чайном домике всё же произошло?

– По порядку? – Газетчик попытался собраться с мыслями. – Что же, попробую. – Ещё секунду он помолчал. – Я работаю репортёром в газете «Светский хроникёр», веду раздел, посвящённый различным, приличествующим людям света, увлечениям и хобби. Таким, знаете ли, дабы без скандалов и обвинений в эксцентричности. Рауты, скачки, благотворительность и всё в таком роде.

– Попечение над институтом, – добавил инспектор О’Ларри.

– Совершенно верно, сэр, и это тоже, – кивнул мистер Адвокат. – Вам, господа, наверняка известно, *какие* леди покровительствуют институту при Святой Урсуле. Без ложной скромности должен вам заметить, что все они почтили меня своим доверием. Я, знаете ли, не первый год подвизаюсь на репортёрском поприще и ни разу ни одного своего конфиденнта ещё не подвёл.

– Весьма похвально, – заметил инспектор Ланиган.

– У меня, знаете ли, есть в тех кругах определённая репутация... Впрочем, это вы и сами можете проверить, господа, не стану себя нахваливать. – Он вновь прервался на миг. – Вам, вероятно, известно, что уже который год, с тех самых пор, как его величество принял ещё и титул микадо Ниппона, в свете существует определённый интерес к его обычаям и культуре. Их находят весьма утончёнными и изучают в надежде приспособить кое-что и к нашим нравам. Мать Лукреция – а я убеждён, вам известно, господа, из насколько знатной семьи она происходит, – увлеклась в своё время ниппонской чайной церемонией. Довольно сложная вещь, доложу я вам – в институте её выделили в отдельную дисциплину.

– И позвольте полюбопытствовать, для чего понадобилась такая дисциплина? – спросил мистер Ланиган.

– Ну, сэр! – Адвокат поглядел на инспектора с нескрываемым превосходством. – Неужто

вы позабыли, какой был скандал, когда леди Кларвик решила выйти замуж за лорда Нобунаги? Мнение света, однако же, за эти три года переменялось, и теперь девицы благородного происхождения пусть и не так уж часто, но выходят замуж за ниппонцев и не получают при этом порицания от общества. Разумеется, на подобный случай они должны знать чайную церемонию.

– Я понял, продолжайте рассказ, пожалуйста, – сухо ответил мистер Ланиган.

– Увлечение чайными традициями не стало для матери Лукреции единственным. Она изучила ниппонскую письменность и начала заказывать из этой нашей колонии трактаты – на самую, надо сказать, разную тематику. Члены попечительского совета разделяли её увлечение заморским чтивом, и я, как репортёр «Светского хроникёра», не мог остаться в стороне от такого хобби. Леди пытались переводить стихотворные сборники и философские трактаты... Многие весьма спорные, должен заметить. Ну да кто я, чтобы судить об этом?! Свои посиделки они обыкновенно сопровождали чайной церемонией – особенно когда прибывали новые книги.

– Так же как вчера? – спросил доктор Уоткинс, прекращая наконец свои манипуляции. – Отравление опиатами средней степени, я после вам запишу процедуры и рецепты, дабы вывести токсин из организма побыстрее.

– Благодарю вас, сэр, – кивнул газетчик. – Да, вы верно заметили, вчера тоже должны были прибыть свитки, в связи с чем я получил приглашение посетить чайную церемонию у матери Лукреции.

– А вас всегда приглашали в таких случаях? – поинтересовался инспектор О'Ларри.

– Ну разумеется, нет, – слегка усмехнулся мистер Адвокат. – В Ниппоне, не то что у нас в Эрине, леди имеют довольно большую самостоятельность, причём с древнейших времён. Неудивительно, что и суфражистки появились у них ещё во времена седой древности, и, в отличие от наших, они не ограничились написанием романчиков, о нет, джентльмены. Они выстроили целые философские школы и учения, трактаты которых для мужчин и вовсе не предназначены.

– Следовательно, ничего эдакого, суфражистского, рассматривать не предполагалось? – поинтересовался Уоткинс.

– Помилуй бог, доктор! Леди обладают большим чувством такта и не стали бы терзать меня подобными опусами, – рассмеялся репортёр. – Нет, вчера мы должны были просмотреть некую «Радужную нить» Уэно-тян. Насколько могу судить по обмолвкам матери Лукреции, это нечто вроде рыцарского романа.

– С этим понятно, просим простить за то, что перебили вас, сэр, – сухо вато произнёс мистер Ланиган. – Продолжайте, пожалуйста. Вы получили приглашение – и?..

– Ответил, что буду непременно, – пожал плечами мистер Адвокат. – Мать настоятельница уведомила меня ещё с вечера, когда нужный ей корабль встал на рейде, ожидая прилива. На следующий день, то есть вчера, я заглянул в редакцию и сказал Джей Джейю...

– Кому, простите? – не понял О'Ларри.

– Редактору Блинксу. Мы все называем его Джей Джей, по первым буквам его имен, Джейсон Джером. Эдакая, знаете ли, традиция. – Дождавшись понимающего кивка со стороны инспектора, репортёр продолжил свою историю: – Так вот, я уведомил редактора о приглашении, получил от него добро и отправился в обитель Святой Урсулы. Прибыв туда, я сразу проследовал в чайный домик...

– Вы вошли через институт или через обитель? – перебил его доктор.

– Ну что вы, мистер Уоткинс, – ответил с укоризненным взглядом Фемистокл Адвокат. – Как же можно? Вход в обитель и в институт для мужчин строго ограничен – разрешено проходить только родственникам, и то не во всех случаях. Разумеется, я вошёл через калитку.

– И она что же, была не заперта? – прищурился Ланиган.

Газетчик посмотрел на него ещё более укоризненно, чем на доктора перед этим.

– Разумеется, она была заперта, инспектор. Меня впустила привратница, такая крупная монахиня, сестра... э-э-э...

– Епифания, – подсказал О'Ларри.

– Совершенно верно, сестра Епифания, – кивнул светский репортёр. – Именно она. Даже удивительно. Как я запомнил её имя – ведь это именно она меня обычно через калитку и впускала. Как я уже сказал, я прошёл в чайный домик...

– В сопровождении сестры Епифании? – поинтересовался доктор Уоткинс.

– Нет, к чему бы это? Я прекрасно знаю дорогу.

– То есть сестра Епифания осталась у калитки? – задал вопрос Ланиган.

– Ну разумеется. Должен же меня был кто-то потом выпустить наружу, инспектор. Кроме того, мать Лукреция упоминала, что будет ещё один... визитёр. Да, именно так она и сказала, когда мы все уселись за столик. Не могу сказать, джентльмен это был бы или леди, но в первом случае привратница впустила бы его так же, как и меня, – через калитку.

– А скажите, кто присутствовал на чаепитии, кроме вас и матери Лукреции? – сощурился мистер Ланиган.

– Да вам и без меня сие, верно, отлично известно... Да извольте, я скажу. В этом ничего предосудительного нет: присутствовали леди Конноли, Куртц, Африк, Суонн и Стюарт – они все члены попечительского совета.

– И более никого не было? – спросил мистер О'Ларри.

– Нет, боле... А хотя постойте... нет, на миг заглядывала какая-то монахиня, принесла посылку с пирожными к чайной церемонии. Право, даже не знаю, кто она. Мать Лукреция приняла у неё коробку в дверях.

– Голос молодой, старый? Вы не заметили? – спросил Ланиган.

– Нет, я в это время беседовал с леди Борзохолл, хотел узнать её мнение по поводу одного предмета. Затем мать настоятельница вернулась, разложила пирожные, и мы приступили к чайной церемонии. – Мистер Адвокат пару мгновений помолчал. – Почти сразу после её начала я почувствовал сильнейшее головокружение и помутнение рассудка, как от доброй бутылки виски, а леди начали терять сознание. Поднявшись, я вышел из домика, чтобы позвать на помощь, прошёл через калитку... Хм, странно, она была распахнута, а сестра Епифания при ней отсутствовала, теперь я это совершенно точно припоминаю... Да, мне кажется, что я встретил потом констебля, но, сдаётся, не смог объяснить ему суть ситуации... Очнулся уже утром в камере. Это, пожалуй, всё.

– А где в момент отравления была сама мать Лукреция? – поинтересовался доктор Уоткинс.

– О, она, оказывается, забыла «Радужную нить» у себя в кабинете и выходила ненадолго... Да, как раз в тот момент, когда я почувствовал отравление, её в чайном домике не было.

– Вы, вероятно, не очень любите сладкое и съели только одно пирожное, – не вопросительно, а вполне утвердительно произнёс доктор.

– И даже не целиком, – согласился газетчик. – Зуб, знаете ли, побаливает, а на заговор времени сходить совершенно последние дни и не было.

– Ну что же, мистер Адвокат. Вы очень помогли следствию...

– Да, чёрт побери, следствию о чём? Меня тут пугали убийством до смерти!

– Нет, не пугали, – ответил мистер О’Ларри. – Вчера была убита мать Лукреция.

– О боже мой... – ошарашенно прошептал репортёр.

– Гм. Остался ещё один вопрос. – Мистер Ланиган с неудовольствием покосился на своего коллегу и выложил на стол давешнюю вакидзасю. – Вам знаком этот предмет?

– Что? А, да, простите. Это моё.

В кабинете повисла мёртвая тишина, и даже сэр Эндрю, всю беседу молча смотревший в окно, чуть пошевелился, словно намеревался развернуться в сторону мистера Адвоката, но передумал.

– Так вы говорите, ваше? – вкрадчиво спросил инспектор О’Ларри. – Это получается, в чайный домик вакидзасю принесли вы?

– Да, инспектор. – Газетчик всё ещё выглядел огорошенным, но стремительно приходил в себя.

– И с какой же, позвольте полюбопытствовать, целью?

– Простите? Разве я не упомянул об этом? – Фемистокл Адвокат виновато развёл руками. – Я не мог понять, действительно ли это старинная вещь или же просто подделка. Не являюсь, знаете ли, знатоком в ниппонских кинжалах. А вот эрл Борзохолл – известный эксперт в холодном оружии, и его супруга увлечение мужа вполне разделяет. Я хотел понять, что это – безделушка или стоящая вещь, какую не стыдно и на аукцион выставить или презентовать, например.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Ш е л ь т ы – путешественники (скитальцы), коренной народ Ирландии, ведущий кочевой образ жизни. В русской переводческой традиции именуются «цыгане» (например, в «Пёстрой ленте» А. Дойла). Несмотря на схожие образ жизни и традиции, шельты к ромалам никакого отношения не имеют.

Сэр Уинстон имеет в виду полотно работы Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа».